

Для тех кто хочет кусочек позитива и просто улыбнуться после рабочего дня.

- [Невеста черного властелина](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая, ознакомительная](#)
 - [Глава вторая. Никогда не лгите дьяволу!](#)
 - [Глава третья: Русская женщина она и султана на скаку остановит](#)
 - [Глава четвертая: Эти коварные ТС](#)
 - [Глава пятая: Тяжела русалочья доля](#)
 - [Глава шестая: Русские сказки самые добрые сказки в мире](#)
 - [Глава седьмая: Жаркая-жаркая ночь...](#)
 - [Глава восьмая: К новому месту привыкательная](#)
 - [Глава девятая, сильно интимная](#)
 - [Глава веселая, с погоней, признанием и поцелуем \(зоофилия в моде\)](#)
 - [Глава очередная, сексуально-интимная](#)
 - [Глава очередная, попадательская](#)
-
-

Невеста черного властелина
Елена Звездная

А началось все с проклятья.

Прокляла наш дом номер тринадцать старая-престарая... модель двадцати девяти полных лет, в миру Эванжелина Старс, в документах Глафирья Ивановна Рыбкина. Она так и сказала:

— Будьте вы прокляты, воблы завистливые!

— Иди-иди, марамойка столичная, — дружно ответили ей все наши бабушки, чинно восседая на уцелевших скамейках у побитого гопниками подъезда.

Марамойка столичная проштрафилась тем, что замыслила перепланировку доставшейся по наследству квартиры, но бдительные старушки нашего двора, начав полномасштабную развед-деятельность, заподозрили в приходящем к крашенной блонди высоким, стройном темноволосом и мускулистом красавце, самого настоящего гея! Два дня весь дом номер тринадцать по Столыпенскому переулку обсуждал жизненно важный вопрос — Гей или не Гей! На какой-то момент сей вопрос вытеснил даже извечно-важный: 'В какое время в ЖКХ нет обеда, и как туда можно в это благословенное время попасть?'. Дилемму разрешил ну очень приличный внук тети Зинаиды 'несчастный Петруша, который как раз взял академ в МГУ, из-за политических разногласий с ректором'. Этот самый Петро, шкаф под два метра ростом, лишенный в какой-то 'вежливой беседе о погоде' переднего зуба и давно забивший на родной ПТУ, поймал зачастившего ухажера бывшей модели, мирно с ним 'побеседовал'. После чего Петро сообщил бабуле, что никакой это не гей и не извращенец... все оказалось гораздо хуже для нашего дома — мужик был дизайнером интерьеров!

Вот так стал известен план коварной злоумышленницы, подло и бесчестно собирающейся лишить собственную жилплощадь парочки стен, причем обе являлись несущими. 'Перепланировка' — была личным кошмаром всех местных жителей после того, как три года назад пятиэтажка напротив сложилась карточным домиком, и власти назвали причиной порушения не строительство супермаркета в опасной близости от собственно дома, а как раз таки перепланировку в квартире Бобкина.

В общем, несчастный заподозренный в содоме дизайнер, коего Петро отдал на растерзание бабушкам подъезда, сдал все планы и эскизы, и только после этого был отпущен на свободу, оставив на память дому номер тринадцать два зуба, несколько пуговиц и собственно все наработанные эскизы. Петро, правда, почему-то резко обзавелся новым телефоном, но источником сей собственности никто не рискнул поинтересоваться.

Дальше началась холодная война всего дома с одной стороны, и ничего не подозревающей Эванжелины с другой. Модель, и ранее демонстрирующая высочайшее презрение собственно ко всем обитателям жилплощади под номером тринадцать, неожиданно для самой себя, начала получать массу сюрпризов, весьма неприятного характера. Почему-то именно перед ее квартирой старушки все чаще 'совершенно случайно' опрокидывали мусор, гопники устраивали отхожие места, а дети радостно били только ее стекла, прицельно запуская мячи, камни и даже возродив позабытые было рогатки.

До высокой модели доходило как до жирафа, но однажды Эванжелина спустилась с небес на грешную землю и таки увидела надпись, начертанную грязно-зеленой краской собственно на двери ее квартиры. Надпись гласила: 'Вот тебе... перепланировка'.

— Будьте вы прокляты, воблы завистливые! — вскричала Рыбкина, и собственно тогда все и началось.

Нет, гром не гремел, земля не затряслась, и ветра не загудели. Все куда прозаичнее — вода исчезла! Как она сие сотворила, модель и сама не ведала, но аккуратно с момента ее проклятия вода в трубах дома номер тринадцать по Столыпинскому переулку резко закончилась.

Спешно были вызваны службы спасения коммуникаций. Службы прибыли, услышали про проклятие и испугались начинать работы за час до окончания рабочего дня — примета плохая. Однако бабушки, спешно вспомнившие о боевых подвигах на ниве разбирательств с ЖКХ, начали активные военные действия и путем морального подавления вынудили противника приступить к работе.

Таким образом, во дворе нашего дома родилась яма. Яма была большая, вместительная, но не трубоотыскательная никаким боком. На сей феномен смотрели жильцы дома, смотрели работники коммунальных служб, смотрел даже Петро, важно в сию яму плюнув, через щель, образовавшуюся на месте, где прежде рос зуб. Потом рабочий день кончился, археологические раскопки соответственно так же, рабочие коммунальных служб, смылись прежде, чем бабушки нашего двора снова вспомнили о своем героическом прошлом. Дом номер тринадцать по Столыпинскому переулку погрузился в ночь.

А ночью с универа возвращалась я!

Нет, я не была несведущей жертвой обстоятельств, не ведающей о засаде в два метра глубиной, поджидающей на подходе к родному дому. Я знала все! От начала и до конца мне была известны мельчайшие подробности всей разыгравшейся трагедии, так как среди приподъездных бабуть обреталась и моя родная бабушка Тася, три года назад приехавшая погостить у доченьки, да так вписавшаяся в местное лавочконаселяющее общество, что возвращаться в деревню отказалась наотрез. Папа был 'счастлив', и, несомненно, желал высказаться по данному поводу, но так уж сложилось, что его спросить забыли. Тетю Зину из четырнадцатой спросили, тетю Варю из шестой тоже спросили, даже бабу Нину из двадцатой, а до папы просто очередь не дошла и потому его мнения бабуля не спрашивала. Но это к делу не относится и речь сейчас о том, что я была осведомлена о яме, ее размерах, глубине и абсолютной никчемности, но почему-то мне никто не удосужился сказать, где именно сей карьер в земной коре поджидает меня.

К слову сказать, та самая дыра была не единственной засадой в этот достаточно неудачный день... кстати, пятница тринадцатое имела место быть здесь и сейчас. Надо признать, день выдался насыщенный — с утра я завалила зачет, в обед рассталась с парнем, после обеда потеряла работу, в семь вечера завалила пересдачу экзамена! В довершение ко всему каблук, сволочь, изволил сломаться!

И вот иду я, горемычная, а навстречу мне Петро.

— Здоров, Степка, — величественно пробасил глава местных гопников, потрещав привычный корм, и сплевывая шелуху мне под ноги. — Как оно?

— Паршиво, — я отступила на шаг.

Петро воровато огляделся, узрел, что никого вокруг не присутствует, шагнул ближе и сделал мне предложение:

— Степка, давай мы это... встречаться будем!

У меня от таких перспектив чуть сердечного приступа не произошло. Потому как это ж явно наши бабушки сватовство устроили. Теть Зина видать решила, что кровиночек

пристроить пора, и Петрухе своему домашний террор устроила.

— Чего, — говорю, — обещала больше пирожки не печь?

— Угу, — подтвердил Петро, — ни с мясом, ни с грибами, пока не приведу к ней приличную девушку. А где я ей приличную найду? Во всем районе только ты и осталась, Степ.

Ну, я не то, чтобы приличная, я просто... ботан. Первый, он же последний парень продержался три дня, после чего меня попросту бросили. А чему удивляться — излишне полная, вследствие любви к шоколаду чуток прыщавая, ну и от моды я как-то далека. Хотя, если быть откровенной — чего еще можно ждать от девицы с именем Степанида Жабкина. И если имя еще ничего, то каково это пережить школьные годы, если на каждом уроке звучит 'Жабкина, к доске!'.

— Ладно, — говорю, — приходи завтра, буду с семьей знакомить.

— Степ, ты чудо! — возликовал Петро, от радости сплюнув шелуху так далеко, что мне лицо вытирать пришлось.

Но это было лучше, чем лобызание, коим на радости меня решили одарить.

— Без рук! — рявкнула я Петру, и отступила вглубь двора.

— Степ, ну надо же хоть попробовать.

— Нет! — взвизгнула я, отступая на шаг.

— Да че ты ломаешься? Мы же встречаемся, — Петро наседал.

Я отступила еще на пару шагов и тут произошло закономерное — одна девушка и одна земная дыра встретились!

И повалилась я в эту самую яму, печально думая, что вот он итог моей никчемной жизни, а точнее результат сего весьма прискорбного дня...

— Степкааааааа! — заорал откуда-то издалека гопнистый Петро.

А я почему-то все еще летела и никак не могла понять одного — это ж какую они яму выкопали всего за час работы?!

В следующую минуту ярко вспыхнул свет... а затем стало темно... а потом я упала!

Но почему-то на что-то мягкое, даже приятное...

Глава первая, ознакомительная

Когда падаешь в глубокую яму, можешь предположить все что угодно, абсолютно все... кроме наличия там мягкой постели и шелкового постельного белья. А оно все тут было! И постель, и белье и даже подушка... или две!

И пока я лежала в ступоре и понять не могла что происходит, выяснилось, что сия жилплощадь еще и обитаемая!

— Сэзарэ, — проворчал кто-то хриплым баритоном, после чего мне на грудь легла лапа... судя по размерам мужская! Начала поглаживать! — Эсса ахаэ сэе...

Вдох, выдох, вдох и я отчаянно взмолилась:

— Господи, если ты там есть, Христа ради, пусть это будет не лапа санитары в психиатрическом отделении!

Рука замерла. Потом кровать скрипнула, в следующее мгновение разом вспыхнуло пару десятков свечей! На мгновение прикрыла глаза, от яркого света, зато едва раскрыла...

— При-вет, — протянул темноволосый, красноглазый, загорелый, мускулистый и совершенно голый парень, прикрытый лишь краем черной простыни в стратегически важном месте.

— Ой, — испуганно выговорила я, глядя на внушительный разворот плеч.

Парень белозубо и клыкасто улыбнулся, и началось:

— Так, славянка... значит вчера я пил водку, так?

Красные глазищи сменились голубыми, змеиный зрачок обычным человеческим, черная грива блестящих волос стала русыми лохмами, и при всем при этом на меня продолжали вопросительно смотреть.

— Ой...

— Что такое 'ой? — голос у парня был спокойным, меланхоличным даже. — Ой мы не пили, ты мне про водку ответь.

— Чт-т-то ответить? — пробормотала я.

— Мы водку пили? — уже несколько раздраженно спросил он.

— Ннет...

— Странно, — в следующую секунду волосы вернули прежний цвет, глаза прежний вид и послышался новый вопрос. — Горилку?

Мои глаза начали увеличиваться в размере, когда у парня на вмиг полысевшей голове нарисовался чуб, в ухе блеснула серьга, а над губой вымахали висячие усы. И вот цей справный хлопец, вопрос повторил:

— Горилку пили?

— Нннет, — я отодвинулась от него.

Чуб исчез, сменившись все той же гривой черных, чуть волнистых волос, а вот усы остались, только черные стали, и топорщится начали. И парень один ус принялся покручивать, раздумывая над ситуацией. Через минуту покручивание уса привело к новым вопросам:

— Мы с тобой вообще пили?

— Нннет, — я еще немного отодвинулась, скользя по черному гладкому постельному белью. Скользить было удобно.

— Тааааак, — протянул парень, перекладываясь на бок и подперев голову рукой. — Мы курили?

— Нет! — и почему эта кровать такая широкая и где ее конец!

— Не кричи, — попросил он, и поморщился — усы тут же исчезли и теперь незнакомец опять был такой, каким я его сразу увидела. Только задумчивости на лице прибавилось. — Та-а-а-а-ак, — протянул парень, — не пили, не курили... Значица по рабочим вопросам.

Он мгновенно сел, и в ту же секунду загорелое тело покрылось... одеждой. Черная рубашка, на груди распахнутая, белые брюки, обтянувшие бедра, черные высокие сапоги и волосы, собравшиеся в элегантный хвост, причем конец хвоста сам перекинулся на широкое плечо. Следом за всеми преобразованиями, мне улыбнулись... Да так улыбнулись, что искать край кровати я перестала и начала двигаться в обратном направлении, то есть к парню.

А парниша проникновенно спросил:

— Так значит ведьма?

— Нет! — искренне ответила я.

Две мускулистые руки, были сложены на груди, парень откинулся на подушки, и теперь лежал, весь одетый, и, глядя в потолок, думал.

Додумался:

— Я с тобой не пил. Не курил. Ты не ведьма. И самое обидное — ты одета, значит, мы даже не кувыркались. Возникает вопрос — что ты вообще делаешь в моей постели?!

Вновь повернувшись, устроился на боку, опять же подпирая голову рукой, и продолжил:

— Ну? Молчать долго будем?

Вопросов у меня, кстати, не меньше чем у него было, но почему-то отвечать выпало мне.

— Не знаю, — пискнула я, испуганно глядя на... дьявола, наверное.

У парня глаза сначала округлились, затем стремительно сузились, полыхнули огнем и меня возмущенно спросили:

— Ты мне и душу не продавала?!

— Нет... — я снова сжалась, испуганно глядя на него.

А парень разозлился, и уже гневно поинтересовался:

— Ты издеваешься?

Я задумалась, решила, что если бы я душу продавала, точно помнила бы об этом. С другой стороны я ничего в своей жизни еще продать не успела. В общем, испуганно отвечаю:

— Нет...

И у него такое лицо стало... несчастное.

Мы еще немного полежали, помолчали. Он — делая вид, что разглядывает потолок, но при этом отчаянно на меня глазом косил, и я — действительно разглядывая потолок, в надежде понять, что это за яма такая, в которой вместо дна с водопроводными трубами, какая-то черная дыра с постелью и склеротичными дьяволами.

Потом парень предложил:

— Давай займемся чем-нибудь, а то без дела валяемся.

— Чем, например? — спросила я, решая не поддающуюся загадку, где X(яма) плюс Y(падение) равняются PD — то есть Постель Дьявола.

Красноглазый в момент приблизился, склонился к моему лицу и проникновенно прошептал:

— Раздевайся, покажу.

Уравнение стремительно трансформировалось в X(яма) плюс Y(падение) равняются PPD — то есть Попадос Под Дьявола.

Я осторожно отодвинулась и вежливо отказалась:

— Спасибо за предложение, — сглотнула, глядя на виднеющееся в незастегнутой рубашке, — не хочется.

Красные глаза обиженно потускнели, лучезарная улыбка тоже сошла на нет, после чего парень хмуро произнес:

— Девочка, — я скептически выгнула бровь. — Девушка, — исправился красноглазый, — в мою постель так просто не попадают. Ты пойми, у меня репутация. Мне или душу продают, или проводят со мной ночь, а зачастую готовы продать душу, только бы провести со мной ночь. Так что давай определяться, милая, либо ты раздеваешься и нам будет весело, либо я получаю твою душу, а ты какую-нибудь безумно важную для тебя хрень, от вечной молодости до всемирного господства, и на этом разойдемся!

Монолог был внушительным. Я даже заслушалась. Но едва он умолк шепотом спросила:

— Третий вариант?

Парень нахмурился, опять руки на груди сложил и нехотя ответил:

— Нет. Я дьявол молодой, третий сын в семье, мне репутацию поддерживать нужно, иначе старшие стебаться начнут. Раньше я им повода не давал, и сейчас нет никакого желания. У меня проколов нет, девочка, и не будет, я к этому делу ответственно подхожу.

И сказано на полном серьезе.

На фоне всего этого у меня было только два вопроса: — 'С чего он решил, что меня волнуют его проблемы?' и 'Это насколько сильно я головой ударилась, что шиза пришла столь стремительно?'.

— Ну? — хмуро спросил красноглазый. — Раздеваться будем?

— Нет, — решительно ответила я, на всякий случай, стягивая ворот пальто.

Поморщился, внес второе предложение:

— Душу продавать?

— Тоже нет, — теперь я нахмурилась, — я конечно, атеистка, но это моя душа, а я свое отдавать не люблю.

— Жадина значит, — резюмировал парень.

Это было уже обидно! Меня всегда обзывали 'жабкина-жадина'!

— Я не жадная, я бережливая! — и вскочила на ноги, что было не слишком удобно, так как кровать мягкая. — Я просто хочу домой! Обратно в ту свежевырытую яму! Я...

— Ты живешь в яме? — последовал вопрос.

После чего парень поднял руку, и меня окружило красноватое сияние с желтыми и зеленоватыми всполохами.

— Та-а-а-ак, — протянул красноглазый, вглядываясь в это самое сияние, — Степанида Степановна Жабкина... оригинально-с. Двадцать один год. Телец по гороскопу. Значит упрямая, плохо. И да — наличествует возлюбленный, безутешно убивающийся по гибели твоей безвременной. И горе у него такое — натуральное.

— Что? — испуганно переспросила я.

— Сама послушай.

Парень сделал неопределенный пасс рукой, и в метре от меня завис полукруглый экран, в сверкающей оправе. И на этом самом экране был отображен двор, наш, тот самый, яма, то же та самая и рядом с ней Петро, действительно горестно убивающийся по мне и сквозь вой

проговаривающий: 'Пирожоооок... с мяяясоммм, грибочкамииии!'

— Оригинально у вас с уменьшительно-ласкательными именами, — задумчиво протянул дьявол.

Лично мне с горем Петро было все ясно, но решив, что безутешный возлюбленный это плюс к моему плачевному положению, я упала на колени, подпрыгнув пару раз, так как кровать пружинила, и залилась горькими слезами на тему:

— Как он там без меня, родненькиииий! Любит же! Убиваться по мне будет! В монастырь уйдет мужской! Рясу наденет, света белого не взвидет! Страдальцем станет... — заметив, как скривился дьявол, еще и добавила, — святым.

А что тут еще сказать было? Если это дьявол, а кому еще души нужны, то самое страшное для него не самоубийство страдальца, а как раз таки переход его в когорту монахов и других слуг господ. Это если верить моей бабуле. И кося глазом на посмурневшего дьяволенка я поняла — верить стоит. Кажется даже действовало.

— А может он просто под машину бросится? — предположил парень.

— Нет! — решительно ответила я. — В монахи пойдет, отрекаясь от всего мирского, я Петеньку знаю. И святым непременно станет.

Парень поморщился, недовольно скривился и выдал:

— Отпускаю в первый и в последний раз, Степанида Жабкина! Но учти — парню своему нервы мотать, пиво, сигареты и водку подсовывать, все поняла?

Молча кивнула, не веря своему счастью.

— И денег с него требуй, и почаще говори, что ничтожество, — сурово приказал дьявол. Тоже кивнула.

— Не нравишься ты мне, — с подозрением протянул парень. — Но лучше вали потихому, ибо если папашка узнает, что по моей вине одним святым стало больше — сошлет. А братья обстебят. И никаких церквей даже по праздникам, Жабкина!

Грянул гром.

Сверкнула молния.

В следующую секунду я была оглушена воплем:

— Пирожоооочкииииии!

Голова нещадно болела, во рту обнаружилась земля, а еще сверху все продолжал завывать главный гопник на районе.

— Да живая я! — рявкнула во все девичье горло невменяемому Петро и полезла в сумку за телефоном. И едва на том конце ответили, я устало созналась: — Бабушка, я тут в яму упала!

Все, на этом мое участие в собственном спасении завершилось. Уже через минуту во всех квартирах дома номер тринадцать по Столыпинскому переулку горел свет, на балкон рвались любопытствующие бабули, ко мне бежали родители, лифтер, выла подъезжающая пожарная машина, и сто процентов сюда уже мчалась скорая и наряд милиции. Потому что населяющие подъезд бабушки — это сила!

А потом, после осмотра бригадой скорой помощи, ленивого подписания заявления на работников ЖКХ в милицию и сто сорокового пересказа про то, как же я в яму свалилась (Петро две затрещины от тети Зины только при мне получил), меня, наконец, отпустили домой, накормили, мылась сама, укладывали меня все — в смысле и мама, и бабушка, и встревоженный папа.

Но все это мелочи, потому как что-то где-то глубоко внутри меня не дало заснуть

спокойно, несмотря на то, что добрый дядя доктор со скорой сделал успокоительный укол. И я все думала, что же я сделала не так...

Следующий день дал полный и всеобъемлющий ответ на данный вопрос!

Глава вторая. Никогда не лгите дьяволу!

Нет, утро началось очень даже привычно — папа вновь расписывал бабушке преимущества проживания вне душного города, в деревне, на свежем воздухе, а бабушка обещала натравить на него тетю Зину. Ничего необычного, в общем. Мы с мамой торопливо завтракали, грустно переглядываясь под звуки высокоинтеллектуальной беседы, в результате которой папа, как и всегда, выяснил, сколько у него присутствует недостатков, а бабушка вновь получила пожелание в скорейшем путешествии в мир иной и желательно без обратного билета.

А дальше, как и всегда — забег на маршрутку, толкотня в метро, бег по мокрой дороге до университета, и судорожная попытка вспомнить забыла ли я выключить утюг, или все же нет.

Необычное началось, едва я, задыхаясь, взбежала на ступени, ведущие к входу в родную альмаматер.

Сначала послышался скрип тормозов!

Затем все присутствующие на ступенях представители сильной половины нашего учебного заведения издали единый слаженный вздох. После такого я просто обязана была повернуться и узреть... черный спортивный автомобиль, и что-то даже щелкнуло в мозгу про Ламборджини. А номер у этого шедевра автомобильной промышленности был на красном фоне и являл миру три шестерки! И только три шестерки. И это чудо, каким-то чудесным образом избежавшее пристального внимания родной полиции, красиво припарковалось прямо перед входом, поправ дорожный знак запрещающий не то что стоянку, но даже и остановку, а затем из авто вылез парень. На сей раз слаженный вздох издали разом все представительницы прекрасной половины нашего учебного заведения. Парень был... словно с картинки. Да что там с картинки, таких можно было встретить только в фэнтезийных любовных романах — высок, широкоплеч, узок в бедрах, в конце концов — длинноног и длинноволос. Да-да, прямо как в фэнтези! У меня просто таки строчка из недавно прочитанного пронеслась в голове: 'Его длинные черные волосы были собраны в элегантный хвост'. Единственное что несколько портило идеальный сказочный образ ну очень обаятельного суперзлодея, так это черные очки, скрывающие явно умопомрачительные очи незнакомца.

И все бы ничего, но взлетая по ступеням вверх, незнакомец почему-то обратил свой взор на меня, затем остановился, чуть приспустил очки... Я так и застыла, увидев в глубине его такие умопомрачительных черных глаз алый отблеск. Затем истинно акуля ухмылочка скользнула по идеальным губам, и мой ДЬЯВОЛ скрылся в радушно распахнутых дверях университета!

— Смотрите, на него даже Жабкина засмотрелась, — раздалось откуда-то слева, но я на противный женский голос внимания не обращала, пока Лиска ко мне не обратилась, — эй, Жабкина, влюбилась? Так иди, догони и поцелуй своего принца, глядишь, принцессой станешь!

Я повернулась, осмотрела королеву нашего универа с головы до ног и не ожидая от самой себя подобной язвительности, поинтересовалась:

— Лисова, перекинь мозги выела? — и чего это я с утра такая злая. — Сказки нужно

было в детстве читать, тогда сообразила бы, что принцессы из жаб не появляются, а исключительно принцы. Ну тут уж я тебя разочарую — пол менять точно не планирую.

Лиска задумалась, и выдала:

— А Василиса Премудрая?

— Княжна была, — буркнула я, спеша в аудиторию и задаваясь одним единственным вопросом — 'Чего ему тут надо?'

Несмотря на мое старательное рассматривание окружающего пространства, странного парня из ямы я не обнаружила. Пришлось топтать к нашей группе и со всеми заваливать в аудиторию, на лекции по Педагогике, которые вел скучнейший из преподавателей Геворкян Игорь Русланович. Загрузившись в аудиторию, я села за парту в пятом ряду, как и всегда одна, раскрыла конспект...

Дверь распахнулась. Вошел наш лысоватый препод, а вот за ним...

— Да-да, присаживайтесь, — бормотал Игорь Русланович, — очень-очень рад, что моя скромная персона заинтересовала столь известное издательство.

Дьявол вежливо кивал профессору, и целенаправленно шел... ко мне. Когда он вольготно уселся на соседствующий со мной стул, на нас смотрели все три потока шокированных студентов, но темные силы пристальное внимание никогда не смущало.

И едва Игорь Русланович, дрожащим голосом начал лекцию, на сей раз не уткнувшись по привычке в свой конспект, а пытаясь что-то рассказывать, дьявол невозмутимо заметил:

— Ты в курсе, чего никогда не стоит делать при общении с темными силами?

— Н-н-нет, — испуганно ответила я.

— Врать нам нельзя, — хитро улыбаясь, ответил парень, закидывая руки за голову и сцепив пальцы в замок. — Видишь ли, Степанида, лгать, обманывать и оставлять в дураках, это исключительно наша прерогатива... и когда что-либо подобное пытаются проделывать с нами мы, как бы это сказать, обижаемся. А темные силы о-о-очень обидчивые, госпожа Жабкина. И злые. И мстительные.

Мое обостренное чувство самосохранения заставило поинтересоваться:

— Это в чем же я вас обманула, уважаемый?

Подчеркнуто печальный вздох и усталое:

— Степанида-Степанида, не умеешь врать — не берись, — черные глаза на мгновение полыхнули огнем, — кто мне соврал, что безумно влюблен в гопника Петро, который в свою очередь любит настолько, что в монастырь уйдет и на путь служения господу, тьфу на него, станет?

Повернувшись всем корпусом к дьяволу, ехидно поинтересовалась:

— А когда это я говорила, что влюблена в Петруху?

От такой наглости у парня глаза вмиг стали змеиными и он прошипел:

— Так значит, да?

— Да, — говорю, — именно так!

На длинных пальцах дьявола появились острые когти, вмиг вспоровшие обшивку стола, после чего у меня подчеркнуто спокойно поинтересовались:

— То есть я сам себя надул получается?

— Получается что так, — глядя на незнакомца честными глазами, подтвердила я.

Демоненок разозлился окончательно, но все еще сдерживался.

— Так, Степанида, у тебя есть два варианта, или ты мне продаешь душу... здесь, немедленно и сейчас, или...

— Или что? — я почему-то уверилась в собственной безопасности.

— Или сильно пожалеешь, Жабкина! — прорычали темные силы.

Меланхолично смотрю на злодеюку и нагло интересуюсь:

— Это как?

Демон не ответил. Сидел, барабанил когтями по столу, и молчал... Судя по взгляду он размышлял на тему — как именно я пожалею и не находил вариантов. Уверена, его мысли блуждали от моей мученической смерти, до очень мученической. Тут у парня тремя рядами ниже заиграла мелодия вызова, причем интересная такая 'Если б я был султан и имел трех жен'.

— Брр, гаремы, — пробормотала я.

И зря я это сказала. То что сказано было зря, поняла как только увидела победную улыбочку на губах демона. А тот улыбался недолго.

— Да как скажешь, Жабкина, — торжественно произнес он.

Мир в мгновение потемнел!

Жара! Убийственная! Палящее знойное солнце, амбре пота вокруг, деревянный помост из свежеструганных досок, толпа мужиков в восточных одеждах, повсюду глинобитные строения, и... жара!

— Двадцать золотых! — крик какого-то толстого чернокожего верзилы.

— Двадцать? — вопрошает кто-то совсем рядом. — За такую красоту жалкие двадцать золотых?

Толпа внизу у помоста орет что-то, индивиды самого края слюной брызжут, да так, что у меня все ноги оплеванные. Мерзко как. Мало того что все толстые и потные, так еще и слюни пускают. Интересно на что?

— Да вы посмотрите, какие волосы? — меня больно дернули за патлы. — Чистейший золотой шелк, а не волосы!

Не поняла...

— А кожа то, кожа — белее снега! — потная грабля провела от моей шеи до пупка... голую грудь не минуя...

Не поняла, но уже стало страшно!..

— Эй, — заорал один из слюнонежадных, — а чего у нее глазищи такие, не полоумная ли?

Нет, но сейчас стану... Это что тут вообще творится?!

Я повернулась к тому, кто тут меня на всю толпу расхваливал, толстый негр зло прошипел:

— Улыбайся, ты! Улыбайся, кому сказал! Плетей захотелось?

— Нет... — пробормотала я, — знаете, это какая-то...

И тут рев на площадке перекрыл уверенный голос:

— Сорок золотых! — я, как и все посмотрела в ту сторону и увидела...

Глаз задергался сразу, здравствуй нервный тик. А еще стало вдруг плевать на какие-то плети, а еще я его сразу узнала. Он даже не переоделся, гад, сидел в стороне весь такой в джинсах и черные очки не снимая.

— Пятьдесят! — заорал какой-то болезненно толстый мужик с тремя дрожащими подбородками. — Я даю пятьдесят.

— Продано! — сорвался на фальцет мой продаватель.

И дьявол развел руками, мол 'я бы с удовольствием тя купил, но обстоятельства'... Толстопузые обстоятельства уже шли к помосту, расталкивая всех с пути...

Глядя на того, кому я теперь принадлежала, почему-то подумала, что лапа санитары в психушке еще не самое страшное, что может случиться в жизни. А может я все еще в яме, а? Лежу себе пузыри пускаю, а наверху бабуля учит медработников скорой помощи жизненным принципам? И Петро все так же по пирожками убивается? А может...

Сотрясаясь всеми тремя подбородками, толстопузый с трудом забрался на помост, ко мне подвалил уже тяжело дыша, и душа убийственным передозом парфюма, но если бы это было самое страшное:

— Я АхадСим, — с отдышкой произнес он, — старший евнух его величия Повелителя Песков.

Дальше интереснее:

— Что? — переспросил торговец. — Такую красоту этому?!.

— Хозяин будет доволен, — прохрипел евнух, — выносливая вроде наложница...

Ищу взглядом в толпе дьявола! Черноволосый стройный парень радостно мне улыбается, а затем слышу словно в голове:

'Я все еще готов купить твою душу, Спеп, мы, темные силы, настойчивые... А ты гаремы не любишь'.

Ну почему я не гражданка какой-то Америки?! Там чуть что, так сразу — похищение граждан США? Высылаем спецназ, торнадо, НЛО в конце концов!

'Соглашайсяяя, — тянет в моей голове зловредный голосок, — и сразу раз и ты обратно в аудитории, с умным видом слушаешь умные лекции... Соглашайся, Жабкина, тебе же лучше будет'.

Но в одном дьявол был прав — упрямая я. Упрямо и пробормотала:

— Душу не отдам!

Евнух, заворачивающий меня в какую-то темную ткань, услышал, хмыкнул и ответил:

— Да кому она нужна, когда такое тело в наличии!

Торговец и мой покупатель расхохотались. Знак, из толпы вышли два огромных негра и меня повели прочь от невольничьего рынка.

Глава третья: Русская женщина она и султана на скаку остановит

— Танцуй, — лениво приказало чудище, изрезанное шрамами и взирающее на меня осоловевшими от курения какой-то травы глазами.

Да, они здесь не пьют, они курят... но эффект тот же.

— П-п-простите, — испуганно бормочу, глядя на Повелителя Песков, — н-н-немогу, здесь... мокро...

Ага, лужа крови на весь пол! Здесь до меня три наложницы побывали... не выжили. Я четвертая. До эпического приказа 'Танцуй', моей нервной системе пришлось вынести следующие потрясения:

1. Я оказалась блондинкой. Длинноногой, зеленоглазой, с огромной грудью. Вообще сперва подумала, что мне просто показалось — но та странная девица в зеркале повторила за мной все прыжки, кривляния, приседания и резкие движения... К тому же у нее тоже были забрызганы слюнями ноги и стало понятно — это действительно я. Евнуху стало понятно другое: 'Припадочная, — произнес он печально, но тут же радостно добавил, — а все равно наложницы тут долго не живут!'. Оптимист хренов!

2. В гаремах проверка на прочность идет следующая — между полупопиями утыкается лист бумаги и с этим заставляются ходить. Мой свалился сразу, три других купленных вместе со мной наложницы, продержались дольше. Но это не все — с листком в попе требовалось и потанцевать. Я изобразила припадок, и меня оставили в покое, а наложницы извивались вовсю. Эпитет 'Припадочная' начал радовать.

3. Проверка номер три добила — 'проглоти банан' называется. Со шкуркой. Заглоти, держа за конец, потом высунь. Все три наложницы зверски над своим горлом поиздевались, а я подумала и сжевала банан, не страдая впихиванием в себя посторонних предметов. Почему-то в момент, когда я откусила от банана, все евнухи позеленели. Стражники, которые вроде как тоже из евнухов, за мечи схватились. 'Припадочная я' — пришлось напомнить на всякий случай. 'До утра все равно не доживет', — решил АхадСим, и махнул на меня рукой. Поедающая второй банан я чуть не подавилась.

4. Нас всех одели... кое-как, и тела было видно больше чем одежды, но одели. Потом спросили, чего хотим поесть перед смертью... Три наложницы решили позаботиться о фигуре, я поела за троих. Всегда много ем, когда нервничаю.

5. Нас повели на ночь к повелителю.

— Танцуй, — повторил приказ мужик в шрамах.

Еще раз осматриваю пол, понимаю, что повелителю сейчас выпадет сомнительная честь полюбоваться моим ужином...

— Танцуй! — рычит чудище.

Так, сейчас рявкнет 'Ахмед' и меня зарубят. Тех троих кусками выносили...

— Тан...

— Сам танцуй! — заорала вдруг я.

Да, на меня иногда находит. Из-за двери выглянул оторопевший Ахмед, услышал от меня 'Пшел вон, холоп!', закрыл дверь. Повелитель от удивления перестал к курительной

трубке присасываться, на меня смотрит. Потом приподнялся на постели и хрипло приказал:

— Иди сюда!

И тут из-за двери я слышу тихое:

— Душу, госпожа Жабкина, душу, и все закончится в тот же миг...

И вот стою я полуголая и блондинистая, в луже крови, на постели татуированный садюга, который предпочитает смотреть на женщин изнутри в буквальном смысле — любит он внутренности. А за всем этим действием дьявол подглядывает... Ну я и разозлилась:

— А ну живо ко мне, урод! — прошипела злая я.

Дальше — аут! Повелитель Песков сполз с кровати, на коленях подполз ко мне, замер и смотрит преданными щенячьими глазами.

'Охренеть, — слышится в моей голове, — я в шоке...'

Я тоже.

— Приказывай, — радостно стонет Повелитель Песков, глядя на меня восторженно.

'А есть в тебе что-то, Степанида Жабкина... — звучит в моей голове, — продашь?'

— Не продам! — заорала я во все девичье горло.

— Подари, — восторженно просит шрамированный мужик у моих ног.

'Смотри, Жабкина, до утра уйду ведь. У меня ночью самое рабочее время, так что...'

'Отвали!' — мрачно подумала я.

И вслух добавила:

— Мы, Жабкины, народ гордый, душу не продаем!

— Богиня, — восторгается стоящий у моих колен мужик.

'Обкурился' — сходу догадалась я.

'Ну-ну, удачи, — прошипел дьявол и кажется, исчез'.

А дальше пришлось думать, чего делать с Повелителем Песков. Ясно одно — он привык к покладистым и обученным наложницам, и явно все они ему уже поперек горла, а тут я! И чего мне делать? Чего вообще делают все длинноногие блондинки с 'папиками'? Денег требуют, да побольше... Взгляд уперся в лужу крови... ладно, отставим опыт блондинок до лучших времен. Однако ж вспомним родную русскую сказку про Сивку Бурку и будем перенимать опыт предков.

— В общем, так, милейший, — с отвращением смотрю на 'милейшего', - коли хочешь на мне жениться, добудь со дна морского колечко мое заветное! А покудова не отыщешь, катись пряником... в смысле тусуйся с веником... в общем как найдешь, тогда и поговорим!

И гордо развернувшись я ушла!

Выхожу из спальни повелителя живая и целая. У евнухов на лице одно сплошное разочарование, в руках мешки, уже готовые для выноса моего расчлененного тела. Ахмед растирает по морде злые слезы и обещает сабельке 'Ничего, милая, все у нас с тобой впереди еще'.

Куда меня продали?!

Дальше веселее: Ночь, я лежу в постели и уговариваю себя проснуться, умоляю просто — десяток рабынь жмутся по углам, перешептываясь уже поднадоевшим 'Припадочная'.

— А ну молчать! — не выдержала я.

'Буйная!' — подытожили рабыни и принялись дрожать дальше.

Несмотря на все уговоры себя любимой проснуться, наконец, я... провалилась в сон.

Сплю. Кто-то ругается у постели, что-то про то, что 'Ох уж эти Жабкины'.

— Бабушка, нормальная у папы фамилия, нормальная, утомись уже... — сонно ответила я.

— Как все запущено, — пробормотал мужской и довольно таки приятный голос. — Ладно, Степ, давай мирно оформляем договор о продаже души, отмечаем это дело в моей спальне и разбежались. Делов-то. Ну?

— Изыди, — ответила я, повернулась на другой бок и вновь заснула.

И снились мне почему-то морские просторы, и золотые пески, а вот родной университет не снился, и мама с папой, и бабуля с лавочконаселяющим обществом тоже не снились, а жаль...

А разбудило меня тихое:

— Госпожа любимая жена повелителя, уже утро.

Так и вспомнилось радостное восклицание Гюльчетай: 'господин назвал меня любимой женой', и почти сразу я пробормотала:

— А ля-ля, я сошла с ума... какая досада!

После моей реплики раздалось уважительно-восхищенное:

— Припадочная...

Открываю глаза и не могу сдержать разочарованный сон — я все еще неизвестно где, точнее в гареме, но он-то неизвестно где! Вокруг меня служанки и евнухи, у двери рыдает в обнимочку с саблей Ахмед, а значит, меня пока никто убивать не разрешил.

— Госпожа, — АхадСим, тот самый евнух, что прикупил меня, почтительно склонился, — как нам называть вас?

— Гюльчетай, — на автомате выдала я.

Зря. Тут же все поклонились, и со всех сторон понеслось 'Госпожа Гюльчетай'...

— Дожилась... — пробормотала я, наблюдая не синхронные поклоны разной степени амплитуды.

На мою реплику слуги не ответили, все еще привыкая к имечку 'Гюльчетай', а потом АхадСим торжественно произнес:

— Любимой жене повелителя надлежит в других покоях жить.

Дальше любопытнее — евнухи внесли носилки, другие евнухи меня вместе с постельными принадлежностями подняли, на носилки переложили, первые понесли носилки прочь. Почему-то привлекло внимание обескураженное выражение лица одного из евнухов-стражей. У него банально челюсть отвисла. А когда меня проносили мимо этого шокированного, я отчетливо разглядела алый блеск в его глазах, не сдержалась и мило ухмыляясь, сообщила:

— Русские не сдаются!

То-то же, знай наших! А то все 'темные силы' и 'темные силы'!

На завтрак мне подали фрукты. На второй завтрак... фрукты. На третий завтрак... пришел дьявол. Потоптался у дверей, подошел ближе, и, протягивая очередной поднос с фруктами, зло произнес:

— Нужно поговорить!

В новых моих покоях сидело с десятка два служанок, расшивающие лифы на топиках, чтобы моя новообетенная грудь вместились, в общем, гардероб мне готовили. И шили они так старательно, до появления дьявола, а вот стоило ему заговорить, так все и застыли. Я бы подумала, что притворяются, но муха, готовая покуситься на мой виноград, тоже застыла в полете и даже не жужжала.

— Ух ты, — протянула я, глядя на муху, — а с комарами и тараканами так можешь? Мне в квартире бы не помешало...

— Степанида Жабкина! — взревел вдруг дьявол. — Пока ты тут паясничаешь, я время теряю!

— А по подробнее? — все, с этой секунды я смотрела исключительно на дьявола.

Тот принял свой истинный облик, сел на край моей постели, фрукты запустил в окно и с тяжелым вздохом признался:

— Помнишь, я тебе говорил, что с темными силами шутить нельзя?

— Ты говорил, их нельзя обманывать, — раскрывая банан, вспомнила я.

Глухое утробное мычание.

— Монголы умеют круче, — вспомнила я передачу из Дискавери про этих самых монголов. — И что там дальше? Опять будешь душу просить?

— Продашь? — с надеждой спросил дьявол.

— Нет, конечно, — смачно кусаю банан, — мне и здесь хорошо.

Повтор с утробным мычанием.

— Не айс, — комментирую я.

Дьявол глазами заблестел и как прошипит:

— Видишь ли, Степанида, папаня узнал про мою лажу с вами, госпожа Жабкина, а еще про то, что я... ну... — он запнулся, — несанкционированно растратил энергию на твое перемещение между мирами...

Банан падает из моих рук.

— И изменил твою внешность бесплатно...

Банан вываливается изо рта.

— И ничего не получил, более того из-за тебя этот Повелитель Песков теперь розовые сопли разводит, а не идет войной на мирное население как истинный пособник темных сил...

Банан берется с подноса и летит в дьявола.

— Эй! — последний подскакивает, потирая шишку, — ты чего?

Я чего?! Я что не сплю, получается? Я в другом мире?! С другим телом?! Меня действительно продали и чуть не убили?!

— Я убью тебя, лодочник! — прошипела, поднимаясь с постели. — Отродье сатанинское!

— Эй, — возмутился дьяволенок, — ты поосторожнее с эпитетами!

— Эпитетами? — с подноса хватается арбуз. — Счас тебе будет и 'осторожнее' и эпитафия впридачу!

— Эпитеты, — от арбуза дьявол увернулся, — ты неправильно выговорила.

— О нет, — кокос уютно уместился в моей руке, — я как раз верно все сказала, морда красноглазая, я тебе эпитафию даже самолично на надгробии накарябаю!

И снаряд оскорбленной и невинно в чужой мир засунутой жертвы темных сил, стремительно помчался навстречу с представителем эти самых сил. Встреча прошла на высшем уровне, то есть ТС (темные силы) и снаряд (кокос) — встретились на уровне лба дьявола, ознаменовав встречу стремительно краснеющим пятном и полным несправедливого негодования воплем:

— Жабкина, ты очумела совсем?!

Начинаю понимать смысл фразы — торжество справедливости. Приятно, однако!

— Вернемся к эпитафии, — в моей руке уютно уместилась дынька.

Дьявол, с активно подрастающей шишакой на лбу сплюнул на пол, аккуратно на кокос попал, и мрачно произнес:

— Все, Жабкина, ты достала!

Кокос, почему-то шипел и плавился... Страшно представить, какая микрофлора у этого представителя ТС во рту обретается.

Дьявол метнулся ко мне как истинный воин, как грациозный тигр, как стремительный гепард, как... алкоголик за упавшей бутылкой, и в мгновение я была подхвачена сильными, подрагивающими от негодования руками... И все бы ничего, но под ногой котяры облезлого он же приверженец ТС оказалась шкурка от банана...

Банально, но мы падаем.

Еще банальнее — мы падаем на постель.

Совсем пошлая банальщина — я на спине, дьявол двусмысленно расположился между стройных моих бедер.

Банальность перерастает в розово-любовный штамп — дьявол бледнеет, глаза его темнеют и спальню оглашает стон.

А дальше совсем не банально:

— Что... там? — стонет сползающий с меня дьявол, придерживая руками самое ценное.

Приподнявшись, обозреваю не менее уютно расположившуюся между моих стройных ножек дыню, и радостно сообщаю стоящему на коленях стонущему от боли дьяволу:

— Там дыня. Ты на меня когда набросился, на постель сначала дыня упала, а потом мы с тобой. Ой как же здорово, что я на нее спиной не грохнулась.

— Ыыы... — согласился со мной представитель ТС.

— Да, а счастье было так возможно, — дыню расплющило, кстати. — Слушай, дьявол, ты какое-то сплошное несчастье — кокос попортил, дыня несъедобная теперь, как от тебя еще в Аду не избавились?

— Ииизззбавились ужже, — стонет сплошное несчастье.

Странное дело, чем больше смотрю на страдающего представителя Темных Сил, тем приятнее на душе становится. Хорошо как-то, радостно, опять же чувство торжествующей справедливости зашкаливает.

И устроившись на постели, я снизошла до разговора:

— Так что ты там с папаней вашим? Он у нас в должности дьявола, как я понимаю?

— Ууу, — ответил болезный, продолжая корежиться в интересной позе.

В следующее мгновение я узрела странное — муха, до этого застывшая в эфире, как в желе, вдруг зажжужала, пролетела пару см, вновь застыла...

— Не удерживаюууу, — провыл дьяволенок, — вечером поговорим...

Темные силы гордо уползли на коленях, на ходу мимикрируя под евнуха, и едва скрылся за дверью, как муха облегченно продолжила свой полет... Аккурат до паренька, который меня обмахивал опахалом, а маленькой такой плеточкой бил неосторожное летучее воинство. Муха, получив травмы несовместимые с жизнью, скончалась на месте.

— Муху жалко, — грустно сказала я, глядя, как ее останки собираются втереть в ковер, видать в качестве погребения.

Парниша побледнел, бросился к мухе, осторожно соскреб останки и понес к балкону. Через мгновение меня обрадовали:

— Дальше полетела!

Разговор двух служанок:

Служанка?1: И что, поверит?

Служанка?2: Ну так припадочная, они в чудеса верят.

Я решила не обращать на местное население и их мнение никакого внимания, в ожидании вечернего разговора с представителем ТС, но как выяснилось зряяя.

— О, несравненная Гюльчитай, — АхадСим вполз в мои покои на четвереньках, трижды целуясь с полом по дороге, и все чтобы сообщить, — наш мудрый повелитель, твой добрый господин, просит, о несравненная, вашего присутствия.

— Где? — с ужасом вспоминаю обитель Зла, то есть спальню мордопошкалеванного.

— У самого берега моря, — поет евнух.

'Утопит!' — подумала я.

— Нашел он кольцо твое заветное, — продолжает АхадСим.

— И пришел он Писец, добрый пушной зверек... — на автомате пробормотала я.

— Шубу желаете? — евнух поднял на меня умильный взгляд. — Будет вам шуба, о несравненная.

Жара никого не смущает, нет? Тоскливо гляжу на дверь, в которую уползли темные силы, на душе как-то тоскливо становится.

Глава четвертая: Эти коварные ТС

Голубое прозрачное море, жаркое солнце, золотой песок, пустынный пляж, ол инклюзив в комплекте, Золотой базар отдыхает, чего ж мне еще надобно?

— О, звезда моих очей, — восторженно шепчет у моих ног охринительно богатый мужик, — это ли колечко твое заветное?

'Жабкина, ты зажралась' — подумала я, позволяя нацепить на себя очередной перстень.

— Не оно, — печально сообщаю Повелителю Песков.

Мужик расстроился. Действительно расстроился. Я его понимала — нагнал нырятьщиков за жемчугом, загрузил толпу в воду, получил два сундука золота и ларец колец разнообразной формы и размеров, приволок ювелиров, те изделия золотопрома шустро в божеский вид привели, почистили, отполировали, вид придали товарный, а итог?

— И размер не мой, — 'радую' мужика, — и вид не очень.

Толпа нырятьщиков, явно прокляв меня со всей души, угрюмо направилась обратно в море. Армия ювелиров с тяжелым вздохом заняла рабочие места, стражники плевали на песок, песок отвечал шипением, солнышко припекало.

— Жарко, — капризно протянула я.

Два опухальщика ускорились. Повелитель Песков тяжело вздохнул. Я так поняла, у него сегодня выступление армии назначено было, войско сейчас в полном боевом облачении под городом стоит, генералы время от времени пытаются прискакать и намекнуть, что мол 'Война сначала, а наложницы потом', но узрев взгляд повелителя, военачальники обратно скакали на своих двоих значительно быстрее, чем на лошадиных четырех. Кони бежали следом, удивленные такие.

— О, свет души моей, — уже не так вдохновенно, как еще пару часов назад, обратился ко мне ПП, — желаешь ли ты...

— О, мой повелитель, — сменила я гнев на милость и подалась к шрамированному, — исполни просьбу мою, о сильнейший из воинов мира.

И тут в голове прозвучало: 'Жабкина, ты чего творишь, а? Наступление у него! Битвы! Сражения! Ты ж мне самого жестокого из завоевателей портишь, заррраза!'

'Знай наших!' — мстительно подумала я.

— Говори, бальзам моего сердца, — карие глазки Повелителя Песков преданно взирают на меня.

— О, мой повелитель, — обольстительно улыбаюсь шрамированному, — жаркий ветер степей иссушил мое тело, о позволь окунуться в глубины синего моря. — во как я умею! Сама в шоке, но вроде подействовало.

— Твое желание, для меня закон, о, луна моей ночи, — восторженно произнес ПП, и подал знак.

В то же мгновение какой-то полуголый негра загудел в витой рог и нырятьщики поползли из воды, ювелиров погнажи за скалу, евнухи шустро постелили на песок дорожку из плотной ткани, служанки освободили меня от драгметаллов. Неужели сбылось?!

— Сияние твоих счастливых глаз затмевает солнечный свет, — поливал меня дифирамбами ПП.

'Степ, хватит, а? Проводи его на смертный бой и будем решать дело с возвращением, —

пошли на сделку темные силы'.

Томно смотрю на шрамированного и нежным голоском:

— А я... плавать не умею...

Могучий воин молча рвет с себя перевязь с оружием, совершенно верно поняв мой тоонкий намек.

'Так значит, да? — прошипел представитель ТС, — ну, Жжжабкина, сама напросилась!'

Обольстительно скалюсь местному султану, или падишаху, кто он тут у них я так и не разобралась, шрамированный и горячий восточный мужчина, скинув все, кроме портков, подхватил меня на руки и понес к спасительной влаге.

К сожалению, недооценила я подлость и коварство темных сил.

И вот живительные водные просторы все ближе, взгляд ПП все темнее, дыхание его же все тяжелее, а позади раздается нарастающий гул и говорок такой:

— Так русалка она!

— Кольцо в воде обронила, вот и искала!

— И стоит воды коснуться, как прощай земля!

— Уплывет же в глубины морские, и сетями не выловишь!

Восточный мужчина замер в трех шагах от воды, во все свои глазки на меня лыбящуюся глядя.

— Да какая ж с меня русалка? — обиженно сообщаю ПП. — Или это у меня, — выразительно на конечности указываю, — на хвост похоже?

Но мне не верят. Зубы стискиваются, шрамы бледнеют, объятия крепчают.

— Миленький, ну пожалуйста, — взмолилась я, хлопая ресницами.

Повелитель делает шаг назад.

— Ну разочек только, — мне жарко, потная вся, и выть же сейчас начну.

Еще шаг назад.

— Да не русалка я! — вопль обманутых ожиданий. — И я купаться хочу!

Через минуту, замотанная в сорванную с паланкина ткань, я, переброшенная через круп коня, мчалась прочь от манящих водных просторов.

Ненавижу темные силы и их представителей!

Глава пятая: Тяжела русалочья доля

Сижу в лоханке с водой. Это приятно. Рядом на подносе мертвая сырая рыба, расчлененная на порционные кусочки. Это неприятно. Перед лоханкой сам ПП, с виноватой мордой, за ним, в соседнем помещении ширмой зановешенном сидят ученейшие мужи данного гособразования и зубрят усе, что смогли найти о русалках.

Меня заочно обвинили к сопричастности к роду холодных и хвостатых.

— Рыбка моя, — ПП до сих пор молит о прощении, — зачем море тебе, несравненная? Море грязное, пахнет неприятно, а я тебе озеро выкопаю, в нем дворец красоты сказочной построю!

Убиться и не встать! Так и слышу довольное ржание представителя темных сил!

С повелителем я не разговариваю, решив на него сильно обидеться.

— Жемчужинка моя, — пытается привлечь мое внимание ПП, — взгляд твой острым кинжалом ранит, о, рыбка моя.

— Не рыбка, а жабка, — буркнула злая я.

ПП отпрянул, встал, задумчиво посмотрел на меня. Отсутствовало его непонятейшество минут десять, после чего вернулся с подносом на котором дергали лапками перепуганные кузнечики и сотрясались в конвульсиях ржущие с меня мухи.

— Я знаю точно несъедобное съедобно... — на автомате пропела я.

Злая, разобиженная и мстительно настроенная я встала, вылезла из лохани. На полу тут же образовалась внушительная лужа. ПП смущенно покраснел. Я не сразу поняла с чего бы, а потом...

— Да это просто с меня вода натекла.

ПП еще более смущенно отвернулся.

Я разобиделась окончательно:

— Вон отсюда! — заорала на смущенного восточного мужчину. — Не русалка я! Не русал-ка!

Развернувшись из покоев вышла я. В коридоре, прикрываясь опахалом, с меня ржал представитель темных сил.

Русские медленно звереют.

— Жабка! — стонет младший в поганом семействе дьяволов.

Русские звереют окончательно.

— Никогда так не ржал, — мимикрировавший под евнуха сполз на пол от хохота.

Русские озверели!

— Любимый, — я обернулась в поисках ПП. Шрамированный нарисовался почти мгновенно, пряча окровавленный меч. С кем он это так? — Любимый, я вот тут подумала, — хлопаю ресницами, — а вдруг те вкуснейшие мушки и кузнечики были отравлены?

Меч прятать перестали, наоборот достали платок, любовно протерли сталь и хрипло приказали:

— Дегустатора мне.

— Зачем? — опять же хлопаю ресницами, на ПП это вроде благотворно действует, — вот, пусть этот красивый евнух попробует.

Стоило сказать 'красивый', как ПП сжал рукоять настоящего холодного оружия и

недобро прищурился. Впрочем, некоторым уже было не до смеха, а в голове моей прозвучало:

'Жабкина, не наглей!'

— Давай-давай, — с коварной ухмылкой сказала я, — самое время смачно пообедать!

Начинаю понимать, почему добро всегда борется со злом — исключительно чтобы насладиться чувством торжествующей справедливости! Потрясающие ощущения.

'Все, Жабкина, я тебе этого не прощу!' — угрожает представитель ТС.

— Ой, что-то вон тот червячок подозрительно на меня смотрит, — томно намекаю я.

Картина Репина 'Приплыли': Я возлежу на тахте, уже в сухое переодетая, рядом сидит ПП, и гладит меня по ножке (приятно), на коленях, с двумя копьями у шеи стоит представитель ТС и давится мухами, таракашками, червячками.

— Ни свой ни чужоооой, последний герооооой, — пропела крайне довольная я.

Стражники втихаря ржут над евнухом, у окна возносит мне молитвы дегустатор, служанки заинтересованно следят за обедающими темными силами. Вот, всем хорошо и все благодаря мне. Страдает только Зло, но оно по определению должно страдать каждый раз, как умудрится связаться с Добром.

— О, жемчужина моего моря, — привлек саму доброту, то есть меня Повелитель Песка, — твой прекрасный голос прекраснее песен певчих птиц.

'Сволочь ты, Жабкина, бездушная сволочь! Я тебе еще устрою!'

— Лапусичек, — хлопаю ресницами так, что сейчас два маленьких вихря образуются, — а я еще рыбки вот той сырой хочу... Пусть он ее тоже попробует.

'Не... не... Степанида!'

Полный поднос поструганной для меня рыбы притарабанили к представителю ТС. Медленно краснеющими очами дьявол смотрел прямо на меня и, судя по взгляду, личные апартаменты в аду были им для меня любимой уже выделены.

— Зло шагает по свету неразборчиво, стремится испортить то, что еще не испорчено, зло хочет сожрать все... что еще не сожрано, — напела предовольная и пресчастливая я. — Ты давай кушай, кушай не отвлекайся.

Темные силы взяли первый кусь рыбы двумя пальцами, бросили на меня ненавидящий взгляд, и отправили рыбу в свой рот. Процесс жевания вышел остервенелый. И как-то запоздало я вспомнила, что русские женщины самые жалостливые женщины в мире...

— Хватит с него, — решительно сказала я, поднимаясь.

И тут удивил меня ПП:

— Пусть все жрет, — властно приказал он.

И взгляд у шрамированного такой...

Села обратно, похлопала ресницами, привлекая внимание ПП, и сказала:

— Кушать хочу.

— О, звезда моей души, — мрачно произнес повелитель, — боюсь, насекомые были собраны все, но рыбу...

— Хочу рыбу, но жаренную, — капризно сказала я. — И тортик, и... — надула полные губки, — и еще хочу...

ПП, подло и коварно лишенный мной наступательных планов на мир и спокойствие, неожиданно ринулся в наступление на меня!

Пав под натиском превосходящих сил противника спиной на тахту, я была погребена под могучим телом горячего восточного мужчины, начавшего контратаку на мое бюстье.

Высота была взята! А после мы с ПП одновременно на эти две высоты и устали, он прибалдел от вида, я от размера.

'Да, перестарался', - представитель ТС жевал рыбу аки попкорн и, как и все присутствующие, следил за ходом сражения.

— Ооо, — выдал Повелитель Песков.

— Это не 'Ооо', это целое 'Ого-го'! — выдала я, тоже с интересом собственный бюст рассматривая.

— Ого-го, — согласился горячий восточный мужчина.

'Ого-го будет дальше, — вставил представитель ТС.'

Собственная грудь перестала меня интересовать, а вот вопрос сохранения девичьей чести встал ребром, так как ПП любоваться взятой высотой прекратил и начал наступление на остальные территории противника. И я бы испугалась, но чисто теоретически русская женщина и коня на скаку остановит, а тут всего лишь султан какой-то.

— Тпрррру! — рывкнула я, и схватила повелителя за шкуру.

Наступление прекратилось.

Придерживая обе высоты, я вскочила с постели и отбежала подальше. ПП взяв низкий старт, рванул за мной!

Аттракцион года: Бег топless с препятствиями!

Я мчусь по переходам — ПП за мной.

Сбегаю по лестницам — ПП дышит мне в затылок.

Я бегу по саду — ПП не отстает, да еще и... по попе. Бьет, значит любит, да?

Настоящая русская женщина обиделась, резко остановилась, да и развернулась, чтобы высказать этим любвеобильным все, что по их поводу думает. Настоящий восточный мужчина, получив грудями по морде с разворота, оторопел и сполз на колени.

— Ааай, — простонала несчастная я, схватившись за пострадавшие вершины.

— О, звезда моего неба, что ж ты неаккуратно-то так, свет моей души?

Когда меня на ручках несли обратно, в небе загорались звезды, за городом зажигались костры, армия Зла устраивалась на ночлег, уже даже не отправляя генералов за своим повелителем, на страну Песков опускалась мирная ночь, темным силам оставалось грызть локти от злости.

Пожелаем им приятного аппетита.

Глава шестая: Русские сказки самые добрые сказки в мире

— Добро непременно победит зло, — закончила я сказку и добавила, — победит, а потом зверски его убьет.

ПП вздрогнул. Не в первый раз за вечер.

Вообще никогда не задумывалась над проблемой коротания вечеров в темные времена отсутствия Дома два и одноклассников с вконтакте — оказывается, скучал народ, от того и демография повышалась. Вот так и ПП — сразу после ужина полез улучшать демографическую ситуацию в собственной стране за мой счет. Пришлось спешно выдумывать интеллектуальную программу развлечений, то есть отвлечений. В общем, потребовала я сказку.

Тяжело дыша совсем не от физических упражнений, хотя некоторым опять за мной побегать пришлось, правда, на сей раз исключительно вокруг постели, Повелитель Песков принял к сведению мое требование и решил мне рассказать сказку.

Сказка истинного восточного мужчины:

— Далеко-далеко, — рука медленно поднимается вверх по моей ноге, — жил один смелый джигит, — пальцы пробираются под не особо длинную тунику. — И услышал он, что в одной темной пещерке сокрыто сокровище...

Даже не сомневалась в месте расположения пещерки!

— Плохая сказка, — заверещала я, отбиваясь подручными средствами от 'смелого джигита', - я хочу другую сказку.

— Хорррошо, звезда моего сердца, — прохрипел ПП, — Будет тебе другая сказка, вернись обратно.

Я вернулась, уселась подальше от 'смелого джигита' скрестив ноги, и приготовилась слушать.

Но рассказывать мне не собирались, а может ПП просто всегда хотел быть актером, кто его шрамированного знает? Лично я его вообще не знаю, а после того как это нечто, подражая гепарду, с рычанием набросилось на меня, и знать не хочу.

— Я сама сказку расскажу! — возопила я, едва превосходящие силы противника вновь взяли обе мои вышины.

С явной неохотой, уже готовый присосаться к правой вершине и пожать левую, ПП покорно сказал:

— Рассказывай.

Выбравшись из-под врага девичьей чести, я уселась, поправила слегонца порванное бюстье, и начала:

— Давным-давно, жил был один джигит, — 'джигит' подполз ко мне, улегся, устроив голову у меня на коленях и мечтательно уставился на вершины. Его довольная физиономия и натолкнула на развитие сюжета. — И был этот джигит совсем злой, — я коварно улыбнулась, — и хотел он завоевать весь мир...

'Жабкина, — прозвучало в моей голове, — если ты, своей не особо умной башкой подумаешь, то можетобразишь, что кое-кто посторонний сдерживает темперамент некоторых, исключительно из желания самому получить нечто эфемерное под названием

'девичья честь'. Но если ты, Жабкина, сорвешь мне наступление, я за себя не ру... Бээээээээ'.

Судя по всему, темные силы активно чистили темный желудок. Слабенький этот дьяволенок, его бы в наш местный суши ресторан. Коварно усмехнувшись, я приступила к действию, под названием 'перевоспитание повелителя'.

Сказка:

— Решил джигит завоевать весь мир, — я погладила ПП по лысинке, мужику нравилось, — взял он войско могучее, да и пошел на соседей войной.

ПП довольно улыбается и даже кивает.

— День идут, другой идут, — кое-кто до вершин приставать начал, пришлось дать по рукам, — третий идут.

Обиженно потирая ладонь, ПП поинтересовался:

— И что, звезда моего сердца, так и шли, ни ночлега ни остановки? Глупый джигит, войско загонит, лошадей загонит.

Резонное замечание.

— Так то ты, повелитель моего сердца, умен да в заботе о войске, а он... — стараюсь не улыбаться, — он глупый и злой был.

— Аа, — мне умно покивали и снова к вершинам потянулись, — дальше что?

Дальше кое-кто опять получил по рукам.

— Идет джигит с войском третий день, а навстречу им мааааленькая девочка. Идет вся такая несчастная, волочит за руку поломанную куклу, и плачет.

— Девочка? Одна? В пустыне? — скептически переспросил ПП.

— Да! — рявкнула я.

— Хорошо-хорошо, звезда моего сердца, пусть будет в пустыне неизвестно откуда взявшаяся девочка, я слушаю сказку твою, о жемчужина моей души.

Почему я чувствую себя тупой блондинкой?!

— Эта оказалась не простая девочка... — протянула я.

— Сомнений даже не было в этом, — ПП вновь гипнотизировал вершины.

Так значит, да? Подумала злая я и поняла, что добру опять предстоит испытать торжество справедливости!

— И сказала девочка джигиту: 'Не губи города и веси'...

— Кого? — перебил меня повелитель.

— Поселения, — поправила я.

— Ааа, продолжай, сладкоголосая птичка моего сада.

Щас я тебе так продолжу, мало не покажется!

— И сказал он ей 'Уйди, девочка', и направил войска свои на поселение...

— И? — ПП лениво вздернул бровь.

— И тогда девочка набросилась на джигита, вырвала кишки его, намотала на кулак, и надавала уроду по морде, приговаривая 'Добро всегда побеждает зло, добро всегда побеждает зло!'.

Незабываемая гамма эмоций на лице ПП, после чего мужик слегка отодвинулся, и ласково так:

— Гюльчетай, жемчужина моего моря, страшные сказки говоришь.

Хи-хи, это только начало.

— Жил был один злой джигит, — замогильным голосом начала я, — злой он был, войной хотел на весь мир пойти...

'Жабкина, — злой голос представителя темных сил, — Жабкина, ты... бээээ...!'

Темные силы вновь выбыли, силы добра продолжают воспитание пособников зла:

— И была у этого джигита бабушка, и вот однажды умирала она, да и говорит внуку 'Не покупай... — взгляд мой падает на наше ложе, — не покупай желтую кровать, иначе горе придет в дом твой'...

Взгляд ПП падает на желтую кровать, ПП несколько бледнеет.

— И бабушка умерла. И закопали ее в могиле. А тот джигит забыл бабкины слова да и купил себе... желтую кровать!

— И? — напряженно спросил повелитель.

— И что, — я руками развела. — Лег джигит спать, а кровать его взяла и сожрала!

Пауза, в течение которой на меня смотрят большими круглыми глазами. Потом я вспомнила о необходимости присутствия морали и добавила:

— Да, кровать была добрая, джигит злой. А добро всегда побеждает зло.

И тишина. И взгляд у ПП такой подозрительный, а тут еще и Темные Силы активировались:

'Слыш, Жабкина, — видать рыбка из него вышла уже вся, — а с чего ты решила, что кровать была на стороне добра?'

'Априори' — подумала я, но не стала вступать в полемику.

'Бэээ' — загадочно ответили мне.

— О, звезда моего сердца, а разве добрые кровати едят спящих джигитов? — подал голос ПП.

Резонный вопрос. Я задумалась. Подумала, и говорю:

— Не, она сначала его разбудила.

'Я сдохну! — простонал представитель ТС, — Жабкина, смерть от хохота, это что-то новенькое в моем роду...!'

Ему весело, а у нас тишина. ПП смотрит на меня странно, явно пытается переварить услышанное, но судя по всему у мозга настоящего восточного мужчины банальное несварение от логики русской женщины. Не зря говорят, что умом Россию не понять.

ПП видимо решил так же, и попытался перенести общение в горизонтальную поверхность, за что был бит по рукам и по ушам. По ушам исключительно визгом.

— Звезда моего сердца, — обиженно пробормотал повелитель, потирая получившие по заслугам руки, — разве я недостоин прикосновения к твоей долине наслаждений?

Это он загнул, у меня там... ну разве что может лужайка, но точно не долина.

— А где мое кольцо? — требовательно спросила я. — Где? Ты мне кольцо обещал? Обещал! Ты слово дал? Дал.

'А он хозяин своего слова, хотел дал, хотел взял обратно, — меланхолично отозвался представитель темных сил. — Жабкина, ты сейчас решай, или тихо мирно идем на мои условия, или бурная ночь с повелителем песков!'

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? — с энтузиазмом предложила я.

— Хорошо, жемчужина моего моря, сегодня ночью я оставлю тебя, — без энтузиазма отреагировал ПП.

Он уходил как в банальных любовных романах... в смысле медленно и часто оборачиваясь, в надежде, что может быть я передумаю... И лицо такое — печальное-препечальное, и глазки такое грустные-прегрустные, и надежда такая в глазках, медленно издыхающая...

Он мне почему-то анекдот про тараканов напомнил, это в котором мужик таракашек выгнал, а последнего несчастного такого увидел, ну тут таракан и орет своим 'Мужики, так он пошутил, возвращаемся!'. И потому я на ПП смотрю сурово и непреклонно, а стоило ему остановиться, так еще и угрожающе добавила:

— Сказку расскажу!

Ушел.

'Зря надеешься, что это все, Жабкина, — ехидно отозвался представитель ТС, — это мужик не сдался, это мужик отступил. Я б на твоём месте не расслаблялся!'

И я ему поверила!

*Ночь. ПП наш торжествуя,
Идет на приступ всей меня.
Его прислуга НЮ почуя,
Глядит сквозь щели, чуть дыша.*

'Жабкина, ты ж не спишь, — засек мое притворство дьяволенок!'

Не сплю, конечно, я просто в ступоре и в шоке! Да я в таком шоке, что уже стихи начала сочинять, жестоко парадировав кучерявого дядю Пушкина.

А на моем месте у любого бы шок случился! Мыслимое ли дело — от двери крадется на цыпочках голый шрамированный и татуированный мужик в полной боевой готовности! Готовность крадется впереди него, а потом уже он и весь. И тут уж даже пошевелиться страшно! Мужики они же охотники и на движущуюся цель сразу реагируют.

И потому я лежу, не двигаясь, и банально ищу ответ на вопрос Чернышевского 'Что делать?'. Да, наш русский народ не задается всякими пустыми философскими терзаниями типа шекспировского 'Быть или не быть?', у нас все четко и конкретно: Что делать?! Вот что мне сейчас делать?

А делать то что-то надо! Еще пару шагов и я столкнусь нос к носу с чужой анатомией!

Решила проверенными методами:

— Жили были...

Боевая готовность поколебалась.

— И сдохли! — добавила я.

Боевая готовность воспряла, и если бы только духом, а ПП ласково поинтересовался:

— Звезда моего сердца, сказка уже закончилась, да?

— Ну что ты, алмаз моей души, — я отползла подальше от чужой анатомии и села, — с этого все только началось. Сдохли бабка с дедом, похоронили больных на кладбище, да кресты не справные вышли, вкривь и вкось, а все от того что дети старика и старухи руководству кладбища платить не хотели, вот и отыгрались чиновники на безмолвных, минуя безутешных.

— Что? — от удивления ПП забыл даже, про привычное ко мне обращение.

— Похоронили их плохо, — пояснила я, и сложив руки на своих вершинах, коварно

продолжила, — а как ночь пришла так и ожили старик со старухой.

ПП с тяжелым вздохом сел, прикрыл поникшую боевую готовность и грустно спросил:

— И что? Отомстили они чиновникам?

— Зачем же сразу чиновникам? — с притворным удивлением спросила я. — Рыба, солнце моего неба, она с головы гниет! И отправились два злых и голодных зомби напрямиком к правителю той страны пустынной. А все почему?

— Почему? — переспросил повелитель.

— Потому что он чиновников распустил, он и виноват. И приползли зомби в его дворец, напрямиком под кровать залезли, да и как лег он спать, напали на него и сожрали, только ошметки кожи да кишек оставили! Вот. Добро, оно всегда побеждает зло!

С меня молча стянули покрывало, встали, прикрывая вконец поникшую боевую готовность и сказали:

— Пусть сны твои освещают звезды, жемчужина моего сердца.

*ПП любил, любовь еще быть может,
В душе его остыла не совсем.
Но пусть она нас больше не тревожит,
Я спать хочу и сил уж нет совсем!*

В общем, гордый восточный мужчина гордо прикрывая тылы покинул место предполагаемого разврата, видимо приобщаясь к великому Чернышевскому и его вечному 'Что делать?'

На этой поэтической ноте, я сладко зевнула, потянулась и, устроившись поудобнее, собралась отдохнуть от трудов праведных и деятельности миссионерской, но тут:

'Зря надеешься, Жабкина, он теперь чисто из спортивного интереса тебя дожмет'.

Сон как рукой сняло. Сев на постели, я немного подумала... еще подумала... Затем встала, взяла три крупных граната и вернулась к постели, коварно и жестоко ухмыляясь. Да, в эту ночь победа несомненно будет на стороне добра.

И после приобщения к делу вселенской справедливости, я, затушив свечи и светильники, с единственным оставшимся чистым покрывалом, отправилась спать на балкон — все равно ночь жаркая.

Глава седьмая: Жаркая-жаркая ночь...

Персонажи:

Я — Степанида Жабкина.

Главный злодей — интимно-невоздержанный ПП.

Герой спаситель — доблестный представитель Темных Сил, невинно-убиенная жертва разврата.

Сцена первая, акт первый: Преступление.

*Тиха украинская ночь,
И тихо сало обнимая,
Спят партизаны. Враг не прочь,
Куснуть це, совести не мая!*

Вот так и я, лежу себе, подушку обнимаю, никого не трогаю, мирно себе посапываю... и тут нате и распишитесь — незапланированное одеяло пожаловало!

— Слушай, вершина моей горы! — возмутилась я.

Навершие уже плотно упиралось в мой живот, сам джигит, тяжело дыша, шел на приступ всей меня. Видимо, действительно чисто из спортивного интереса. Но напор, скажу я вам, однозначно был достоин золотой медали.

— Помогитяяяя, — заорала, плотно укрытая ПП я.

И тут слышится в моей голове:

'Итак, приступим к торгам-с. Начнем со спасения девичьей чести. Итак, девичья честь не первой свежести, одна штука, цена смехотворна — душенка, второсортная, обыкновенная. Что скажешь, Жабкина?'

А что тут сказать? Я офигела, и, продолжая отбиваться от охваченного страстью к спорту ПП, взглянула в сторону кровати — ну и кто он после этого? Я про Дьявола! После всех моих стараний по имитации невинного убийства невинной же жертвы, никаких видимых следов не осталось! Там была кровать, застеленная черным покрывалом, скрывшим усе мои старания! И что в этой ситуации делать мне? Мне оставалось лишь заорать:

— Труууууп!

В тот же миг, мое бельишко, до коего таки добрался упорный и настойчивый ПП, издав жалобное 'Крак', пало жертвой 'чисто спортивного интереса'. Мы с повелителем разом усталились на прикрытое лишь полумраком, после чего ПП вскинув голову, посмотрел в мои глаза... Банально?!

— Жемчужина моей души, — простонал настоящий джигит, двигаясь бедрами на судьбоносную встречу с поляной моего наслаждения.

Поляна плавно отодвинулась с пути его бедер. Еще одно поступательно-колебательное движение ПП, и отступательно-убегательное мое. С упорством, явно отточенным в условиях наличия гарема, ПП вновь попытался пойти на приступ моей долины наслаждений, но тут

уж я решительно напомнила:

— Там труп, о герой моего сердца!

— Снова сказки рассказываешь, о персик моего сада, — мрачно произнес ПП, хватаясь руками за мои бедра, и уже производя предварительные расчеты по незапланированному мною посещению моих интимных территорий.

— Труп же там! — вновь заорала я.

ПП натурально заскрипел зубами, прошипел:

— Сейчас там точно будет труп.

Настоящая русская женщина решила обидеться:

— Подлец! — истеричные нотки, отточенная пощечина. — Да как ты мог?! Да как ты?! Ты мне угрожаешь?!

Ты мне угрожаешь?!

И тут я познала истину, о которой подло умалчивают во всех любовных романах — пощечина убийственное оружие. Причем убийственное исключительно в отношении... оскорбленной в лучших чувствах женщины.

— Шайтан-джа, — прошипел ПП и стал... злым.

Как в страшном сне я увидела стремительный замах, а в следующее мгновение его рука устремилась к моему лицу... Звенящая боль в то же мгновение наполнила все мое сознание, и сквозь пелену боли я увидела второй замах...

— Мама, — взвизгнула я, закрывая лицо ладонями.

Но удара не последовало. Более того, ПП вдруг освободил занимаемую территорию, и я осталась одна, испуганная и вообще впервые мужчиной ударенная. Но уже через секунду о собственном избиении я забыла, услышав:

— Грязь под моими ногами!

И звук удара.

Распахнув глаза я узрела дьяволенка своего, перепуганного кстати, потому что глаза на пол-лица, и ПП, этого самого представителя ТС держащего за шею, причем держал он одной, напряженной до крайности рукой.

— Мама, — простонала я.

— Степ, — прохрипел дьявол.

Но на этом он не остановился, потому, как следом было:

— Помоги...

Русская женщина она и коня на скаку остановит, и в горящую избу — это да, а вот про спасение темных сил нигде не говорилось! Я и переспросила в ужасе:

— Что?

— Хрррр, — прохрипел дьяволенок, ритмично подергивая конечностями.

— Чего-чего? — я подалась вперед. — Миленький, что ты?..

В следующее мгновение представитель ТС кулем повалился на пол, а совершенно голый ПП развернулся ко мне всем корпусом — злой и голый. А у меня щека до сих пор болит... И вообще, я не поняла — дьявол тут или как? Значит, как на ламборджини разъезжать и внешность менять это мы можем, а как морду набить покусителю на мою честь, так у нас на это кишка тонка?!

— Любишь его? — прошипел ПП, и со всей силы треснул по представителю ТС.

А говорят — лежачих не бьют.

— Любишь?! — рев вернувшегося из командировки мужа, обнаружившего жену с любовником в постели, и повторное избиение Темных Сил.

Что странно — не испытываю никакого торжества справедливости, наоборот жалко больного.

— Хваттит, — взмолилась я. — Ему же больно, же...

Сцена вторая, акт второй: Наказание.

*Страшна другого мира ночь,
И тихо стоном оглашая,
Хрипит мой дьявол. Я помочь,
Уж не могу, сижу немая.*

В смысле связанная. И руки связаны, и во рту кляп, а представитель ТС корчится привязанный к столбу, вовсю пытаюсь вырваться из стальных браслетов.

— Приступайте, — ПП сидит рядом, по-хозяйски поглаживая... вершины мои, сподобился же дьявол отрастить их такими внушительными. — Любуйся, жемчужина моего сердца, — приказал повелитель, что б его.

— ЫЫЫ, — ответила я.

Палач, здоровый лысый дядька взмахивает кнутом — удар... Красные капли срываясь с кнутовища падают на белый камень, устилающий двор. Я всхлипываю, вздрагивая всем телом.

— Еще, — приказывает злой ПП.

Замах-удар. Дьявол вздрагивает, хрипит, стиснув зубы. Я чувствую, как слезы текут по щекам, и понимаю что реву в голос, глядя на него.

Сцена третья, акт третий: Прозрение.

*Я вас жалел, и жалось та быть может,
В душе моей исчезла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Убью и так, тревожить незачем.*

К шестому удару я забыла обо всем — в смысле о его преступлениях и целесообразности наказания, даже Справедливость была жестоко сброшена с расчетов, и, прожевав кляп, а затем выплюнув оный прямо в ПП, я заревела:

— Люциушкаааааа...

'Кто? — на удивление спокойно спросил представитель ТС'.

'Ты, — несколько потрясенно мысленно ответила я. Но тут палач вновь нанес удар и я заревела снова, вопросив так же мысленно: — Почему?..'

'Почему я сопротивления не оказываю? — конкретизировал мой рев дьяволенок. — Так я не могу, Степанида. Я же тебе объяснил — силы я на твое преобразование потратил, душу

ты мне зажала. А теперь я слаб как обычный смертный... — и вдруг так жалобно, — Спаси меня, Степа!

— Ик... — сказала я и... прозрела.

Это что же получается, а? Это он все устроил, чтобы мне на жалость надавить?! Это все... все...

— А врежь ему еще! — приказала я палачу, вытирая горькие и злые слезы. — И желательно со всей силы, может поумнеет, ирод окаянный!

ПП стер с лица остатки прожеванного кляпа и вдруг так со злостью:

— Слушай сюда, звезда души моей, или ты моя, душой и телом, вся, или отдам войску на забаву!

Нормально, да? Повернувшись к ПП, я смерила шрамированного злым взглядом, и как выдала по первое число, в смысле начала с того, с чего мы и начинали:

— А кольцо мое ты достал?! — мужик нервно моргнул. — Достал, я спрашиваю?

ПП, даже как-то испуганно отодвинулся, и извиняющимся таким тоном:

— Жемчужина моего сердца, да...

— Не мямли! — от моего рева теперь и слуги задрожали. — Ты мне слово дал? — не давал, вроде, но это мелочи. — Ты мне кольцо обещал?! ГДЕ МОЕ КОЛЕЧКО?! — и поднявшись на колени, так как ноги мне таки связали, уже нависая над ПП, я продолжила скандалить: — Ты мужик, или как? Дал слово — держать должен!

ПП бочком, бочком, да и слез с диванчика. Рассерженную, обманутую, подло на жалость подавленную женщину это не остановило:

— Да ты на меня вообще руку поднял, ирод плешивый! — ирод плешивый, почему-то переглянулся с иродом окаянным, который прекратил ломать комедию и теперь не висел на веревках, а просто стоял, ошарашено за развитием событий наблюдая. — Все мужики — козлы! — ору на весь сад. И тут же мирно так, даже ласково к ПП обращаюсь: - Веревки развяжи, а?

Потрясенный до глубины души повелитель, достал кривой кинжал, освободил меня от веревок и тут же схлопотал по морде, со всей девичьей силы, а я уж и разошлась:

— Еще раз меня ударишь, морда лупоглазая, я тебе все кишки вырву, на кулак намотаю и как дам по морде! Все понял?

Несчастный перепуганный ПП кивнул, и пробормотал:

— Добро всегда побеждает зло... добро всегда побеждает зло...

— То-то же, — уже миролюбиво произнесла я, — сказка ложь да в ней намек, злему джигиту урок.

'Жабкина, я тебя боюсь, — вполне серьезно вдруг сказал представитель ТС.'

— Да я сама себя боюсь, когда злая такая! — ору во все женское горло. — А нефиг доводить было!

Злая, обманутая в лучших чувствах и глубоко оскорбленная я, поднялась с дивана и пошла есть. Гордо так, походкой от бедра, и волосы по пути поправляя, а сзади восторженное:

— Шайтан-женщина! — от ПП.

И едва слышное:

— Так припадочная же, повелитель, — от Ахад-Сима.

— Гюльчетай-шайтан, — все так же с восторгом ПП.

'Жабкина, а меня ж сейчас убьют, — печальное от представителя ТС. — Ты, Степ,

главного так и не поняла — он же ревнует. Сам страшный как кошмарный сон, а я вроде как смазливый, понимаешь? — я продолжаю гордо идти прочь. — Убьет он меня, Степанидушка, замочит маньяк фентезийный!

И я остановилась. Нет, все понимаю, а жаааалко гада темного, она ж, русская то душа, жалостливая. Нам же всех жаль, врагов особенно. Я и обернулась назад...

И вот часто слышала 'Убийственный взгляд', но чтобы настолько — стоило мне взглянуть на дьяволенка, как морда ПП искривилась от ярости, в следующее мгновения голова представителя ТС плавно рассталась с его телом... и покатилась....

— НEEEEEEEEEEЕТ!!! — заорала я, и забыв обо всем, помчалась к невинно убиенной жертве.

Глава восьмая: К новому месту привыкательная

— Ненавижуууу... — рыдаю я, на красной, кстати, желтую вынесли, кровати.

— Душа моя, свет мой, — причитает надо мной ПП.

— Ненавижу, сволочь жестокаяаааа, — истерика по нарастающей. — Как ты мог, гадина плешивая?! Как?!

— Так сама же сказала палачу 'А врежь ему еще!', - оправдывается вконец несчастный повелитель песков. — А теперь тебе его жалко?

— Мне меня жалкоооооооо! — реву, самым безобразным образом слезы размазывая.

А там, в саду, черное пятно гари на месте убиенного дьявола. А чего я ждала?! Крови? Не было крови, я добежать не успела, как полыхнуло все огнем и на месте труп только гарь и осталась! А еще я — в этом мире!

— Ненавижууууу... - продолжаю истереть.

Так я до рассвета и прорыдала. Одна. ПП долго не выдержал и в итоге ушел то ли спать, то ли убивать всех подряд. Второе, наверное, вернее, потому как слуги попрятались.

А утром я проснулась на огромной постели, в окружении слуг, на вытянутых руках удерживающих ткани наряды мои, видать на выбор и слышала страшное от Ахад-Сима:

— О, прекрасная ликом светлая Гюльчетай, повелитель просил утешиться и слезами лицо прекрасное не омывать, он вернется почитай к луне полной, много подарков привезет звезде сердца своего...

— ЧТО? — я подскочила.

Толстый евнух вздрогнул, отступил на всякий случай и пробормотал:

— Так на войну уехать изволили его величие, на подвиги его имени достойные... тому уж часа три как, лунолика.

Я встала, сопли вытерла, потом и высморкалась заодно, и решительно сказала:

— Мне срочно нужен отряд, воинов пять хватит, и маленькая девочка!

— Что? — пискнул евнух.

— Будем наступление армии зла сдерживать, — ответила я.

А я что — мне представителя ТС жалко, конечно, но наступательные планы армии зла сдерживать это моя прямая обязанность, добро я или как. И тут слышу такое ехидное:

'Или как, Жабкина'.

Страшно это, когда в двадцать с небольшим глаз начинает дергаться. Мой задергался, ощутимо так.

— Ссс... — прошипела я.

'Счастлива меня слышать в добром здравии? — нагло поинтересовался дьявол'.

— Ссс... — снова я.

'Счастлива настолько, что дар речи потеряла? — не менее издевательски'.

— Сссволочь! — таки выговорила я.

'И все? — кто-то откровенно ржал'.

— Убью, сволочь! — второй глаз тоже задергался.

'Эх, Жабкина-Жабкина, я ж дьявол, меня убить практически нереально'.

— Кощей Бессмертный... в смысле Сволочь Бессмертная, — шиплю, да, на рык вот вот

перейду.

'Типа того, — милостиво согласились Темные силы'.

— И сссмерть твоя в яйце! — я русский фольклор хорошо знаю.

'Не думаю, — но ржать опасно перестал'.

Поздно!

— Оторву, гад, — прошипела я.

'Тормози, Жабкина, — уже совсем серьезно и даже встревожено произнес мой постоянный душепокупатель, — там иголок нет.'

— Будут! — прорычала я.

Во все время разговора, Ахад-Сим стоял позадь прибора, столового. В смысле нож держал впереди и дрожал, а я поняла что припадочной и сдохну.

— Коня мне! — ору со всей мочи. — Живо!

Начинаю понимать, почему в России принято кричать 'сани мне, сани' или 'карету мне, карету', и причем это требование характеризует прооравший его народ как умный и интеллигентный. А я как дура вопила 'коня мне'. И что теперь! Стою как дура и смотрю на коня!

— Здрасти... конь, — оторопело пробормотала вежливая я.

Животина, жующая чахлую травку из кадки, вероятно до животинки бывшую цветком, меланхолично обернулась, покосилась на меня карим глазом и вернулась к дожевыванию силоса. Я осталась стоять. Нет, умом понимаю, что полагается сесть на коня и в путь, но пусть кто-нибудь моему уму сообщит наименее травмоопасный путь взгромождения на коняку!

Рядом со мной вздрагивающий при каждом моем на него взгляде АхадСим, за ним пытаются притворяться составными частями интерьера с десятков евнухов. И все бы ничего, но когда взгляд мой скользит по девственно черному крупу коня, какая-то странная мысль не дает покоя, и эту самую мысль решаю озвучить:

— Простите, а этот конь точно укомплектован всем необходимым?

'Угу, — отвечают мне подлые и коварные темные силы, — четыре ноги, хвост, голова. Зубы белые и здоровые, кстати. Чего тебе, Жабкина, еще надобно?'

Почему-то наклоняюсь и смотрю чего у коня под... животом короче. Ну, просто интересно стало. А тама кстати...

'Мерин он, Жабкина, просто мерин, — раздраженно как-то пояснили мне'.

Присев на корточки и разглядывая дальше, пытаюсь вспомнить что такое 'мерин'.

— Конь? — в итоге спрашиваю.

— Конь-конь, — бормочет Ахад Сим.

'Мерин, — не соглашается с ним представитель ТС. — Ты, Степ, в менталитет местного населения не врубаешься. А тут система такая — единственное достоинство, которое ты вправе лицезреть принадлежит Повелителю. И на этом все!'

— То есть? — не соображаю я.

'Коняка — евнух, — пояснили мне. — Мужики вокруг тебя — евнухи, все. Воины, которых ты просила, не евнухи и они даже ждут тебя за воротами, но суть в том, что исполнив твой приказ, АхадСим тебя никуда не отпустит. То есть воины как бы есть, но ты до них не дойдешь. И да — конь не оседлан.'

— Сссволочи... — глаз снова задергался.

Поднявшись, развернулась к АхадСиму и грозно спросила:

— Почему конь не оседлан?!

На мой вопрос затрясся сначала живот евнуха, после шея, в итоге подбородок и подлейший гад, заикаясь, ответил:

— Н-н-не умеем.

— Седлать коня? — ору во все горло.

— Д-да, — делая два шага назад, произнес АхадСим.

— Так позовите конюха! — кому же еще коня седлать, как ни конюху.

Но ответ меня потряс.

— Н-н-не можем, о прекрасная, — пролепетал евнух.

— Что значит 'не можем'?

Гневно смотрю на евнуха и тут вижу невероятное — АхадСим трястись перестал, встал ровно, и ответил нагло:

— О, прекрасная Гюльчетай, красота твоя небо затмевает, с солнцем соперничает, сияние звезд превосходит и за ворота гарема ты не выйдешь. Нечего красоту, повелителю принадлежащую, другим мужам показывать. Хватит с тебя солнца и звезд!

Глаза задергались оба и разом, и разгневанная я пошла громить ворота.

Громила я твердыню минут пять, прежде чем поняла — гнев мой даже в фэнтезийном мире особо не помогает. В итоге я уселась прямо на каменные плиты, уперевшись спиной в неподдающиеся ворота и зло глядя в сад, откуда доносился издевательский хохот дьявола.

— Так значит, да? — прошипела я. — Одного не могу понять — зачем этот фарс с безвременной кончиной?

'Да все просто, Жабкина, мужики, типа повелителя этого, они женских слез не выносят. И наступление, оно же у нас по особой статье идет, Степ, у нас, темных сил, на него планы, а тут ты последователя зла в тряпку превращаешь. Пришлось меры принять. Ты, Жабкина, баба жалостливая, рыдала обо мне долго и со вкусом, так что в итоге раздраженный чувством собственного бессилия повелитель песков теперь пылает жаждой убийств втрое сильнее прежнего, и поверь — наступление будет очень кровопролитным. За что низкий поклон тебе, госпожа Жабкина.'

— Ссволочь!

'Уел я тебя, Жабкина! — издевательски протянул дьяволенок'.

Злая я встала, бросила последний убийственный взгляд на сад и сказала:

— Хрен тебе!

'Это который редьки не слаще?'

— Это в котором добро всегда побеждает зло!

'Зверски его убив? — издевается гад.'

— Вот зря ты так со мной, очень зря, — прошипела я и рявкнула Ахад Симу: — Бумагу мне, бумагу!

'О, свет моих очей, долгих лет тебе!

Как ты там без меня, герой моего сердца? Мчишься ли на коне, или уверенной рукой направляешь воинов в бой? Помнишь ли ты обо мне, алмаз моей души?

А мне без тебя так плохо! Если бы ты только знал, как мне без тебя плохо здесь, в тиши

покинутого дворца... Так плохо лежать одной, на пурпурной постели... Обнаженной, под шелковым покрывалом... И я совсем одна, мечтаю о нашей встрече... О том, как ты ворвешься в мои покои, и я прикоснусь к твоему мужественному лицу, прижмусь к твоей сильной груди... О тебе!

Возвернись, о герой моего сердца!

И лучше сам, иначе я на евнухов перекинусь, а они у тебя ту симпатичные'.

— Ахадушка, — ласково обратилась я к евнуху, — или это сегодня же будет у повелителя, или...

'Или что? — темные силы не дремали'.

— Или! — угрожающе повторила я, глядя в перепуганные глазенки евнуха. — Кстати, я припадочная когда злюсь! И меня в состоянии припадка, обычно на мясо тянет... человеческое. А ты, Ахадушка, туша упитанная!

Письмо было отправлено с теми самыми пятью воинами в тот же час.

А уже на закате, довольная собой я, ухмыляясь, смотрела на въезжающий во дворец отряд, возглавляемый моим драгоценным ПП!

Глава девятая, сильно интимная

— Гюльчетай-шайтан! — заявил ввалившийся в мою спальню Повелитель песков, рывком сдирая с себя кольчугу, затем повторным рывком рубаху. — Как ты здесь, без меня, алмаз моей души? Я без тебя тоже скучал...я...

— Хнык, — издала я, промокая сухие глаза платочком, — хныыыыык.... Ик...

ПП застыл шедевральной изваянием в честь всех и разом обманутых надежд.

— О, море моего сердца, ты все еще льешь горькие слезы? — и главное кольчугу на себя хряп обратно.

Я тут же сменила гримаску на лучезарную улыбку. Кольчуга полетела в распахнутую дверь, останки рубахи туда же, правда они особой летучестью не отличались, но ПП деликатно выпихнув их ногой, закрыл двери.

А после, с видом истинного победителя, Повелитель песков пошел на меня. Весь, как бык на торреодора, только это был странный, похабно улыбающийся бык, у которого при этом еще и счастливый оскал наблюдался.

'Все, Жабкина, доигралась! — прошипели мне темные силы. — Наслаждайся, Степ!'

Нервно вздрагивая, я подумала — и на кой мне спасение этого мира?! Потом вспомнила о торжестве справедливости и страданиях представителя ТС — поняла, что мир спасла не зря, я вообще герой, но сейчас самое время приступить к собственному спасению.

— Они меня не кормили, — всхлипнув, я бросилась на шею ПП, — не поили, на лошадку не пускали-и-и...

Торжество вселенской справедливости существует! Я сижу на балконе и ужинаю вместе с ПП, внизу АхадСим и его приспешники учатся седлать лошадку. Коник время от времени знакомит свои копыта с особенностями евнуховой анатомии. Анатомия реагирует синяками в форме подков, один такой как раз лобешник главного евнуха украшает — красота.

А потом я подумала вот о чем:

— Свет моей души, — я даже подалась к уже несколько недовольному Пп, — а научи меня ездить на конике.

— Верхом? — уточнил повелитель.

— Ага, — я захлопала ресницами, знаю, что на него этот местячковый торнадо хорошо воздействует.

'Сто пудов начнет обучение с позы 'Наездница'. Хорошая поза, кстати, выгодная даже, я бы сказал, — съехидничал представитель темных сил'.

'Сгинь!' — раздраженно подумала я, преданными глазами глядя на повелителя.

Пп, устало поднялся с коврика, протянул мне руку и сказал:

— Идем. Мать будущего повелителя должна летать как ветер.

— Кто? — не поняла я.

— Ты, — решительно ответил мне Повелитель песков.

Ой... я влипла.

'Что? — не меньше моего возмутился дьявол. — Степ, ты это слышала?! Дохлый ангел, меня Рэм убьет!'

'Туда тебе и дорога, — мстительно сообщила я.'

*Жил был ПП на свете,
Его любили дети,
А женщины не очень,
К нему были охотчи!*

— Ннне хххоччу! — ору я, сидя на коняке.

Коняка мчится, прижимая уши в попытке спасти барабанные перепонки от воздействия моего визга.

— Стооооооой! — верещу я.

Коняка срывается с карьера в галоп. Теперь я не сижу, я галопирую.

— Ммммммаммммммаааааа! — комментирую галопирование.

На высокой ноте моего нехудожественного пения, подскакивает Повелитель песков, и продолжая скакать рядом, укоризненно произносит:

— О, звезда моего сердца, ты пугаешь коня своего славного.

— Яяяя еггггго ппппугггаю? — пытаюсь я возмутиться в процессе галопирования. — О, небо моей души, этот славный конь мне всю ппппопу отбил.

— Попу? — серьезным голосом спросил мужик.

В то же мгновение меня стащили с коняки, бережно усадили поперек седла и частью на колени повелителя, и ласково поглаживая покалеченное место, хрипло возвестили:

— Попу нужно беречь.

— Нужно, — согласилась я, отходя от процесса обучения верховой езде, — слушай, о небо моего сердца, я больше не хочу кататься на конике... — подумала и добавила, — я хочу плавать.

ПП нахмурил брови.

— Сильно-сильно хочу, — ресницы снова начали активно создавать торнадо — у меня такими темпами скоро будут очень накачанные веки — бодибилдеры удавятся от зависти.

Но на повелителя выступление моих мини-опахал подействовало неожиданным образом:

— Завтра наша свадьба, о, Гюльчитай, жемчужина моя, — серьезно сообщил он мне.

— Что? — голос мой осип, и писку мышиному уподобился. — Свадьба?

— Звезда моей души, мать моего будущего наследника уважаемой женщиной быть должна!

Сей фразой незабвенный Йодо был посрамлен на веки. Представила себе ПП в образе ушастика Светлой стороны... Поняла, что в этом случае джедаи стопроцентно покромсали все Звезды Смерти и Дарта Вейдера заодно. Одна проблема — Звезда-то тут я!

— О, бриллиант моих глаз, — осторожно начала я, — свадьба, как бы не предел моих мечтаний и...

— Сегодня! — прорычал ПП, ударяя кнутом попу... не мою, лошади.

Коняка помчался обратно во дворец.

Глава веселая, с погоней, признанием и поцелуем (зоофилия в моде)

*Ночь тиха и безмятежна,
Я чиста и одета небрежно,
Коник испуганно храпит,
ПП пусть сегодня подольше спит.*

'Коня подгоняй, Степанида' — шипят темные силы.

— Чччем? — тихо подвывая, вопрошаю я.

'Пяткой, у тебя же там каблук!'

— Ссстрашно, — жалостливо отвечаю.

'Степ, ты только что сбежала с собственной свадьбы, так что самое страшное в жизни старой девы тобой уже совершено. Коня подгоняй, кому сказал!'

— Я не старая дева!

'Но начало тенденции положено, — язвит представитель ТС'.

— Сволочь, — сообщаю некоторым.

За полчаса до убегательных событий меня вернули во дворец, в процессе возвращения нагладив попу чуть ли не до мозоля, а там передали руки евнухов, чьи лица носили неизгладимую печать копыт коника. И вот там-то я и узнала о радостном событии в жизни каждой девушки... Окольцовывании! Дальше произошел типичный для каждой невесты мандраж, в результате которого я согласилась на предложение темных сил, те отворили для меня две потайные двери, и даже коника оседланного подали. А главное — бесплатно и не торгуясь.

*И вот я мчусь навстречу ночи,
Тьма такая, что хоть выколи очи,
Страшно очень, на душе тоска,
Прости ПП, прости и пока...*

На душе кошки скребут, попа болит и никто ее даже не пожалеет, представитель ТС мчится рядом на второй коняке, а мне грустно. ПП жалко даже, как он там без меня, морда шрамированная?!

— Степ, нам до рассвета к пристани нужно успеть, — дьявол подъехал ближе.

— Изыдиини, — слов нет, убила бы гада.

— Что опять? — возмущаются некоторые. — Я тебя вообще спас!

— Спас? — я дернулась вся. — У меня грудь болит, спасатель!

— Пожалеть? — ехидненько вопрошает.

— Уменьшить, горе адово!

— Не переходи на личности, — шипят темные силы.

— Ах ты... — рот я открыла зря.

Вообще когда мчишься по пустыне на коняке, рот открывать не рекомендуется — суши тайского производства сами в пищевод устремляются, после еще и лапками проталкиваются. И да — все бесплатно.

— Кхы... кхе... хы, — изгнала я настойчивую пищу, жестоко и категорично отказав местному фаст фуду, — а на пристань зачем?

Жестоко оскорбленный отказом фаст фуд не долго думая, вцепился в аппетитные, демоновыми то стараниями, мои вершины.

Восточную пустыню огласил истошный, полный негодования девичий визг!

А местные коники, как и местные мужики иммунитета к голосу настоящей русской женщины не имеют, и полетела я нежной горлицей... мордой в песок. Я выжила, песок не отреагировал, фаст фуд, подергивая лапкой, скончался.

Демоняка прыгнул на песок, в тот миг, когда я скорбно взирала на кончину тайского суши, подбежал, остановился надо мной и спросил:

— Чего расселась, Степ?

— Сдохни уже и не мучайся...

— Это ты мне? — угрожающий рык.

— Нет, исключительно ради разнообразия тебе разрешается пожить, — в этот момент сверчок в последний раз дернул лапкой. — Ыыыы... — жалостливый мы народ — русские женщины.

Темные силы присели, странно на меня поглядывая, и поинтересовались:

— Степ, ты чего?

— Ыыыы... — сию реву как дура над смертью одинокого сверчка.

Жалко его, почему-то, хотя сколько их сгорает в Китае, например, а потом хрустит 'ароматной курочкой' в гамбургере, но там почему-то не жалко, а тут в пустыне, под одинокой луной, в присутствии темных сил я сидела и плакала.

— Степа...

— Сверчка жалко, — заревела я.

— Степ, ну было бы кого жалеть, — дьяволенок достал откуда-то платок, потянулся к моему лицу, приговаривая. — Ну что ты, маленькая, нашла, о чем плакать, Степушка...

— Ты меня 'Степушкой' назвал, — шмыгая носом, заметила я, и посмотрела на дьяволенка.

Наши взгляды встретились, и как в самых банальных любовных романах, по телу побежали сотни мурашек...

Теплая южная ночь, повсюду барханы и дюны, луна освещает песчаный пейзаж, глаза напротив словно затмевают весь мир... Толпа не пупырчатых мурашек охватывает тело...

— Степа, — стонет представитель ТС.

— Дьявол, — так же с придыханием отвечаю я.

— Степа... — его голос срывается.

— Дьяв... — мой тоже срывается.

Толпа мурашек неистовствует!

— Степ... — дьявол начинает тяжело дышать, — ты это чувствуешь?

— Да, — откликаюсь я, — чувствую... Я чувствую... я...

— Мы... — стонет дьявол, — мы...

— Да... — ощущая как тело изнемогает от невыразимого желания, не просто стоню — стоною я, — да, родненький, чувствую... И что же нам теперь делать?

— Мы должны бежать, вместе, — хрипло шепчет он.

— Но как? Как же мы можем?

— О, пресвятые ангелы, — стонет он, протягивая руки и касаясь моих вмиг похолодевших ладошек, — я в жизни не испытывал ничего подобного... А ты?

Апофеоз ситуации нарастает, когда я вынуждена ответить:

— Я тоже никогда в жизни не сидела на муравейнике... — мой голос срывается на шепот: — Эти мурашки, они огромные, что делать?

И в душе растет такое невыразимое желание вскочить и с диким визгом начать прыгать и сбивать с себя все это живое и кишашее, но страшно — а вдруг кусаются?!

— Вроде жучки какие-то, — едва дыша, сообщил дьявол.

— Убей их! — мы, русские женщины, такие кровожадные.

— Но как? — стонет он.

— Не знаю, ты же мужчина, и даже хуже...

— Что может быть хуже мужчины? — вдруг заинтересовался представитель ТС.

— Ты! — искренний и честный ответ.

Меня одарили убийственным взглядом.

— Не расходуя взгляды зря, — менторским тоном посоветовала я, — направь убивательность на мурашек!

— Если б мой взгляд мог убивать... — прошипел дьявол.

Невыразимое желание вскочить и заорать все растет, по мере того как мурашки уже до вершин моих добираются.

— Господи, что ты мне такого дьявола то никчемного в недруги даровал? — простонала я небу.

Силы добра почему-то безмолвствовали, силы зла шипели от злости, но чего делать, явно не знали.

— А ты их съешь, — посоветовала добрая я, — опыт уже имеется, так что...

— Степанида! — взревели темные силы, подскакивая.

Взревели они зря — муравьишкам громкие звуки были не в радость, от чего они все и разом взялись за воспитание крикливых. И над пустыней раздался рев оскорбленного и на зуб испробованного Зла!

Силы добра на мучение темных сил взирали с меланхоличным удовлетворением, мысленно проговаривая: "Это тебе за инсценировку собственной смерти, это за издевательство с коником, а это... просто чтобы мне приятно было!".

А приятно действительно было — мурашки, решив, что ядохляя жертва и сама не убегу, всем скопом бросились на дьявола — мировая справедливость существует! И едва последняя блохушка сползла с меня, лично я бросилась наутек, крича:

— Люцик, не отставай!

— Степанидаааааа... - раздалось за моей спиной.

— Ты же живучий, справишься, — вопила я, улепетывая со всех ног.

— Я на термитов не рассчитанный, — орал он мне.

— Это пустыня, тут термиты не водятся, — парировала я.

— Степа, сожруууут же!

— Ты предлагаешь мне разделить сию печальную участь с тобой? — я торопливо вскарабкалась на очередной бархан.

— Зар-р-раза!

От такого я даже остановилась, обернулась, и возмущенно спросила:

— Дьявол, а что я вообще сделать могу? Вершинами их от тебя отвлечь, что ли? Так у нас разная видовая принадлежность, они не клюнут, дьявол.

Действительно, вот что я могу сделать? А жалко его, черной шевелящейся массой облепленного, очень жалко, мы русские женщины народ жалостливый.

— Дьявол, — позвала я, — а что можно сделать?

— Ничего, — раздалось вдруг позади меня, — но это милосерднее того, что сотворил бы с ним я.

И голос такой грозный, а главное — знакомый очень! Силы добра взмолились о справедливости там, или еще чем-то, но стоило мне обернуться... ПП стоял в трех шагах, молча, гневно и зло глядя на меня, а внизу, мне с вершины бархана хорошо было, находился отряд в полном боевом облачении. И тишина такая, и не шевелятся даже, только ветер треплет рукава рубашек...

— Ты, — медленно, едва сдерживая ненависть произнес Повелитель песков, — ты была всем для меня...

И тон такой обвинительный. Настоящая русская женщина осторожно поинтересовалась:

— Например?

Истинный восточный мужчина запнулся, задумался и повторил:

— Всем!

— Чем? — возмутилась я самым праведным возмущением. — Ты мне даже искупаться не дал! И кольцо не нашел! И да — ты меня ударил! И я сейчас не о попе! — силы добра признавать себя виновными напрочь отказывались. — По попе было даже приятно, а вот по лицу... Ты меня — ударил!

Между прочим, я ему вообще мир спасла. От него же правда, но это уже мелочи. А факт остается фактом — мир спасен моими, кстати, титаническими усилиями! А он!

И тут я ощутила ЭТО! Это поползло вверх по ноге, подбираясь все ближе к...

— Спасите, — простонала я, едва дыша. — Спа... си...

ПП подошел, острый кинжал блеснул на в лунном свете, в следующее мгновение шаровары мои обзавелись новой дыркой, а муравьишко нехилого размера пал жертвой восточной деспотии.

Добив насекомое, восточная деспотия устало посмотрела на меня, тяжело вздохнула и выдала:

— О, звезда моего сердца, зачем сбежала?

— Замуж страшно, — тяжело вздохнув призналась я.

Никогда не понять восточному мужчине логики русской женщины, он и не стал:

— Как пожелаешь, жемчужина моей души, — замуж возьму когда сына родишь.

С этими словами меня подхватили на руки, и понесли, в песке утопая, аккуратно к отряду.

— Кккакого сына? — спросила я, осознавая сказанное.

— Второго.

— Сатрап и деспот! — заявила я.

— Плохие имена, персик моего сада, другие выберу, — невозмутимо ответил Повелитель песков.

Я подумала, подумала и как заору на всю пустыню:

— СПАСИТЯ-аааааа!

Вслед мне понеслось злое:

— Знаешь что, Жабкина, сама себя спасай! — заявили мне силы зла, убегая куда-то вдаль, вместе с выводком толстых мурашек.

— Душу продам, — верещала переброшенная через круп коня я.

— Да в Аду я душенку такую видел! — было мне ответом.

И как истинный антигерой, представитель Темных Сил, весь в черном, мурашках в смысле, исчез на горизонте. Эпическое исчезновение вышло.

А я, с вершинами, попой и никому не нужной душой отправилась во дворец ПП, исполнять его эротические фантазии.

Глава очередная, сексуально-интимная

Предрассветный сумрак разгонял свет двух лампадок. Я в эротической позе 'Не дам' возлежала на софе, ПП в позе 'Возьму' нависал надо мной. Взгляд его сурово сверлил мое лицо, лицо просило пощады, но пощада, в данный момент, где-то там, в пустыне, наслаждалась обществом мурашистых мурашек, и ей было не до меня.

— Не надо, — прошептала я, с мольбой глядя на восточного мужчину.

ПП молча, но выразительно достал свой жезл... тот самый, нефритовый, воспетый во всех женских любовных романах.

— Ой, — выдала я, взирая на это самое, — а я про него такой анекдот знаю.

Повелитель заинтересованно спросил:

— Что?

— Историю знаю, — сказала я, двигаясь от его жезла подальше, и усаживаясь на ложе. — Веселую.

Лицо ПП помрачнело и меня спросили:

— Веселую?

— И эротическую, — заверила я.

Мне не верили, но выразили готовность слушать, жезл выражал совсем иную готовность, но его мнение тут не учитывалось.

— Один юный джигит, познакомился с юной прелестной девой, — начала я.

— О, звезда моего сердца, — ПП с неожиданной звериной грацией опустился на кровать, причем так, что я оказалась сразу на спине, а он навис надо мной, — ты можешь рассказывать сказки, я буду слушать...

Сильные пальцы стремительно разорвали тонкую преграду.

— О нет, — воскликнула я, — мои штаны!

Сильные пальцы дорвали ткань. А потом я ощутила что-то большое, горячее и пульсирующее, что прижалось к моей долине наслаждений, желая вторгнуться в нее...

— Убери руки! — прошипела я.

ПП вскинул голову, странно посмотрел на меня и мрачно сообщил:

— Это не палец, жемчужина моего наслаждения.

— Да? — притворно изумилась я, — а что?

Чуть отдвинувшись, мне наглядно показали 'что это'. Ничего нового, должна заметить, то есть уже поднадоевший жезл.

— Слушай, герой моего сердца, хватит тыкать в меня непонятно чем! — возмущение на грани фола.

ПП тыкать перестал. ПП поднялся. ПП ушел, обнажив передо мной свои мускулистые тылы. Настоящая русская женщина была готова возрадоваться победой над восточной деспотией, но понимала — будет дожимать, чисто из спортивного интереса.

ПП вернулся. На этот раз жезл, все так же находящийся в полной боевой готовности, был чуть прикрыт огромной книженцией. Книжка называлась вкусно 'Ветка персиков'. Есть сразу захотелось. Причем персиков. ПП подошел, ПП открыл книгу, отлистал несколько страниц, развернул книгу, ткнув мне едва не в нос точное, подробное и качественное изображение... жезла.

— Изучить? — спросила я.

— Ознакомьтесь с названием, — подтвердил ПП и мрачно добавил, — и назначением.

'Продам душу за спасение девичьей чести' — думала я, перевернув страничку и глядя на способы использования жезла по назначению.

И вдруг мир стремительно потемнел!

Глава очередная, попадательская

Прохладно. Светло. Ветер в лицо. Какая-то угрожающая тишина... потом гул приглушенных голосов... И вдруг рев:

— Свершилось! Боги даровали нам избранную! Свершилось!

И почему-то снова тишина.

Медленно, осторожно открываю глаза... Храм с колоннами вместо стен... Огромный такой. А вокруг те, по кому фанател Толкиен, и все остроухие, в белых одеждах, с сомнением в чистых эльфячьих очах... ветер развеивает волосы, треплет кончики ушей и одежды... И вся толпа остроухих смотрит на меня... С надорванным лифом, прозрачными шароварами надорванными в интимных местах, и с похабной книженцией в руках.

И тут я слышу шепот одного престарелого эльфа другому:

— А как она будет темного властелина побеждать?

— Видимо книга сия подробную инструкцию содержит, — отвечал ему второй.

От неожиданности сборник похабщины я попросту выронила. Книга упала на каменный пол. Ветер переплеснул несколько страниц... Рожи у эльфов вытянулись.

— Боги суровы, — шокировано пробормотал один из старейшин.

— Таким образом, великий и великодушный божественный хранитель мироздания, выплетатель паутины судеб...

— Паук? — пискнула я.

— Сауронар! — воскликнул эльф.

Я пристыжено умолкла — сурово у них тут с избранными. Нет, поначалу все было пристойно, ну в меру. То есть меня с почестями укрыли с десятком эльфийских плащей, книгу со всем тщанием тоже прикрыли, и мне вернули, потом даже препроводили в покои, покормили и дали поспать. И только на утро, великие эльфы, решили, что дева посланная спасти их мир, должна озаботиться изучением мировой истории, чтобы, значит, знала, чей мир спасти будет, и прониклась осознанием важности предстоящей миссии.

И вот прошел всего час, а я уже готовый пособник зла, готовый приобщиться к уничтожению если не мира, то уж эльфов точно!

— Сауронар сияющий, воистину великий и непобедимый, в уме бесподобный, в деяниях неповторимый, в решимости своей...

Я зависла.

'Не дрейфь, Жабкина, тяжело в учении... ну дальше по официальной версии легко в бою, но поверь нам, Темным Силам, в бою не легче'.

Сердце зашло в нарастающем ритме и я выдохнула:

— Люцик!

Эльф стоящий надо мной и вещающий об истоках эльфячего величия потрясенно застыл.

'Я не Люцик, — возмутился представитель ТС, — я Даниэль'.

— Даник... — шепчу потрясенно.

Эльф странно смотрит на меня, я на него.

'Даниэль, а не 'Даник', Жабкина, побольше уважения к темным'.

— Уважения? — голос стал сиплым, а я медленно поднялась. — Уважения, говоришь?

Эльф бледнеет, и отступает, в ужасе на меня глядя.